

Антиной

Владимир Бугунов

Владимир Гергиевич Бугунов

АНТИНОЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70509070

SelfPub; 2024

Аннотация

Супербогатейшие люди англосаксонского мира задумали кардинально и жестко решить проблему перенаселенности земли но их зловещие планы раскрыли и предотвратили простые американцы, англичане и русские. Мир спасен, но на этот раз общими усилиями, а не усилиями пресловутых голливудских героев-одиночек. В книге напечатаны и другие занимательные рассказы.

Владимир Бугунов

Антиной

*«Лук сильных преломляется,
а немощные препоясываются силой»*

1-я кн. Царств, гл.2.

Профессор Генри Пфафф слыл человеком чудоковатым. Уже не один раз студенты уходили с середины его лекций, так и не дождавшись их продолжения. Пфафф, когда в его голову врывался целый водопад мыслей, даже совершенно не связанных с темой очередной лекции, замирал на полуслове и становился похожим на истукана с острова Пасхи, а потом, не обращая больше ни на кого внимания начинал, как одержимый что-то писать, или чертить в своём потрёпанном блокноте. Вывести его из этого состояния не удавалось до тех пор, пока водопад мыслей не иссякал, а изрядная часть блокнота не покрывалась малопонятной вязью его убористого почерка.

Вот и сегодня он читал вторую часть лекции о возможностях практического применения своей же теоретической разработки – резонаторах сдвига. Дело в том, что землян и,

конечно же, профессора Пфаффа очень насторожил очередной визит громадного астероида Апофиса. Нет, он не врезался в Землю, как ожидалось, в 2029 году, но пролетел настолько близко от поверхности планеты, что вызвал на ней если не полный хаос, то бардак, это уж точно. Вот именно в тот год в мозг профессора пролился очередной каскад мыслей, и в результате ему удалось, правда, пока чисто теоретически, обосновать создание резонатора сдвига. Это устройство, по его задумке, помогло бы человечеству в будущем успешно бороться с атакующими Землю астероидами и кометами, отводя их с опасной для людей траектории.

Он упоённо рассказывал студентам о своём детище и вдруг снова застыл на полуслове. Студенты, шушукаясь между собой и безбоязненно строя преподавателю неприличные рожицы быстренько слились из аудитории. Но в этот раз в зале остался одиноко сидящий слушатель. Высокий молодежь выглядевший мужчина сидел на самом последнем ряду и вообще-то говоря, мало походил на прыщавых, смешливых студентов. Покосившись на последнюю крашеную брюнетку, чья пухленькая попка только что скрылась за дверью, мужчина стал медленно спускаться к кафедре.

Профессор тем временем заканчивал самозабвенно бороться с ручкой и блокнотом не обращая внимания ни на пустой зал, ни на по лисьи подкрадывающегося человека. Писал Генри быстро, проглатывая окончания слов, а иногда обозначая их только начальными буквами. Движение руки и

сама техника написания, как правило, не всегда успевали за искромётными вихрями мыслей. Он ещё хмурился, заканчивая последнее предложение, когда услышал рядом с собой деликатное покашливание.

– Профессор Пфафф?

– Да. С кем имею честь?

– Агент Милвз. Второй департамент СКАО...

Генри, резко захлопнув блокнот с явной заинтересованностью посмотрел на гостя. Служба Контроля Астероидной Опасности два года назад дала профессору от ворот поворот. Нет, Пфаффа вежливо выслушали и также вежливо попеняли, что его теоретические выкладки по созданию резонатора сдвига ещё слишком сырые, чтобы делать далеко идущие выводы о возможном их применении в целях увода опасно приближающихся к планете астероидов подальше от неё. И вот теперь...

– Агент Милвз, неужели ваш департамент передумал и решил принять мою разработку?

На лице агента появилась милая, открытая улыбка.

– Да, док. Есть правда несколько неясных вопросов по вашей теме и мой шеф, Лайк Шири, хотел бы их задать лично вам.

– Это так срочно, прямо сейчас?

Милвза так и распирало от желания рассмеяться в лицо этому наивному, но талантливому чудаку.

– Док, Земле вновь угрожает опасность. И потом, как вы

знаете, наш головной офис находится на шестой авеню. Это же в пяти минутах езды отсюда. После встречи с Шири вас сразу же доставят домой.

Упускать такую возможность сотрудничества со СКАО? Дать покрыться пылью его монографии о резонаторах сдвига?! Ну, уж нет!

– Я согласен, агент Милвз.

Они вышли из здания университета. Водитель галантно открыл заднюю дверь шикарного автомобиля с затемнёнными стёклами. Радостное возбуждение охватило Генри, когда он утонул в мягком сидении. И тут же к шее Пфаффа метнулась рука в ладони которой, блеснула игла маленького шприца. Профессор едва успел почувствовать укол и сразу же потерял сознание.

Пробуждение было тяжёлым. От неудобной позы затекли шея и неудачно подвёрнутая нога. В голове ещё клубились остатки дурмана. Но его уже одолевали мысли одна безумней другой. Кто его похитил? Террористы? Русская, китайская, или израильская разведки? Зачем? Его последняя разработка, резонатор сдвига, не была засекречена. Более того, практически все теоретические выкладки о нём были ещё два года назад опубликованы в открытой печати. Где этот... Милвз, чёрт подери! Генри тут же горестно усмехнулся. Какой же я лопух! Скорее всего, этот Милвз такой же агент СКАО, как я – марсианин!

Дверь в комнату с задёрнутыми наглухо шторами на окнах открылась и на пороге нарисовался высокий человек с гладко выбритым черепом. Его моложавая спортивная фигура и мимолётная ухмылка на лице показали Генри неуловимо знакомыми.

– Очнулись? С вами всё в порядке, док?

Пфафф теперь точно знал, кто перед ним.

– Что это значит, агент Милвз, или как там вас?

– А-а, узнали?

«Агент» улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– Пройдёмте со мною, и скоро всё станет ясно. Вам действительно хотят задать несколько уточняющих вопросов.

Генри соскочил с дивана и тут же скривился от боли. «Отлежалая» нога только-только стала приходить в норму.

– Немедленно отвезите меня домой! Иначе...

Пфафф даже притопнул ножкой, – иначе я затаскаю вас по судам!

По лицу «агента» пробежала лёгкая тень.

– Видит Бог, я хотел с вами по-хорошему, но раз вы не понимаете...

С этими словами, лысый амбал схватил профессора за шиворот и буквально поволок его из комнаты. Пфафф задыхался от унижения и возмущения. Никто и никогда не обращался с ним так нагло и беспардонно. Но прежде чем он успел выразить Милвзу всё, что он о нём думает, амбал толкнул его в роскошно обставленный кабинет. У задней

стены за низким прямоугольным столом покрытым материалом чем-то похожим на золотую амальгаму сидел человек с вытянутым как у лошади лицом. Квадратный тяжёлый подбородок, синие водянистые глаза и светлые редкие волосы с безукоризненным пробором выдавали в нём если не сына, то внука-правнука туманного Альбиона. Впрочем, сам Пфафф не так уж далеко ушёл от этого человека с наглым пронзительным взглядом. Предки профессора тоже когда-то прибыли покорять просторы Северной Америки из Ирландии, так что он более менее безошибочно различал кто перед ним: американец английского, шотландского или ирландского происхождения. Когда амбал втокнул в кабинет сопротивляющегося Генри, этот человек откинулся на спинку мягкого кресла и почти утонул в нём. В его холодных глазах мелькнул и тут же угас огонёк любопытства. Он небрежно махнул амбалу рукой и тот тотчас исчез за дверью.

– Присаживайтесь, профессор Пфафф.

Хозяин кабинета вяло повёл рукой в сторону одиноко стоящего стула справа от стола. Генри присел на краешек сиденья и уже разинул было рот, чтобы излиться потоками интеллигентной брани, но человек его опередил.

– Меня зовут Гарри Моут. Я доверенное лицо «Корпорации Ной-2» Профессор нервно дёрнул плечами.

– Мне её название ни о чём не говорит. Потрудитесь лучше объяснить...

– Экий вы нетерпеливый, Генри. Я прошу извинения, если

Стив Милвз, – Моут кивнул в сторону двери, – причинил вам некоторые неудобства. Он, знаете ли, шотландец в третьем поколении, а они все отпетые грубияны.

Гарри при этом впервые улыбнулся и Генри успел разглядеть в клыках его верхней челюсти блеск двух крупных алмазов врезанных в зубы.

– То, что надо мной свершилось насилие, и меня похитили, вы называете некоторыми неудобствами? Я требую вернуть мой мобильный телефон и вообще избавить меня от вашей компании.

Гарри снова откинулся на спинку кресла. Он скрестил руки на груди и, не скрывая своего раздражения, произнёс:

– Послушайте, Пфафф, вы же образованный человек, более того, восходящая звезда нашей науки. Ну, неужели вам неинтересно узнать, зачем вас привезли сюда пусть и таким, э-э, экстравагантным способом?

– Мне это совершенно неинтересно. Ваши действия незаконны и уже это отвращает меня от продолжения разговора с вами.

Моут вдруг резко подался вперёд и навалился грудью на стол. На его бледных щеках появились заметные пунцовые пятна.

– И, тем не менее, вам придётся не только выслушать меня, но и поклясться, что отныне будете сотрудничать с нашей корпорацией.

Игнорируя возмущённое выражение, появившееся на ли-

це гостя, Моут, чеканя каждый слог, произнёс:

– Только что вот на этом стуле сидел Джимми Янг. Надеюсь, вам знакома его фамилия? Он создатель уже действующих моделей самых современных атомных миниреакторов. Его реакторами оборудованы десятки космических аппаратов вращающихся вокруг Земли или блуждающих по Солнечной системе.

Пфафф хмуро уставился на хозяина кабинета. Причём тут физик-ядерщик и он, разработчик резонатора сдвига? Это всё равно, что загнать в один загон мустанга и пони.

– У вас странный подбор жертв, мистер Моут.

Гарри привычным жестом поправил чёлку, выбившуюся из пробора.

– Отнюдь. Для нашей корпорации это как раз наилучший вариант подбора. Тонкий длинный палец доверенного метнулся в сторону Пфаффа.

– Скажите, вы верите в Бога?

Профессор возмущённо запыхтел.

– Причём здесь моя вера? Я учёный и этим всё сказано. Мистер Моут, давайте заканчивать этот бесполезный разговор. Меня ждёт семья, дети...

Гарри неувлимым движением включил монитор, стоящий на краю стола и развернул его экраном к гостю.

– У вас прекрасные малыши. Особенно вот эта белокурая девчушка. Сколько ей сейчас лет, не подскажите?

На экране монитора, на лужайке за домом профессора

резвились две дочки и карапуз двух или трёх лет. Молли, старшая девятилетняя дочь Пфаффа, взяв за руки младшего брата, Томми, пыталась догнать среднюю дочь Тину, пятилетнюю крепышку, с хохотом улепётывающую от «преследователей». На заднем плане картинки легонько раскачивалась на качелях жена Генри, Мариэтта. Она счастливо улыбалась, поглядывая на играющих детей.

– Прекрасные дети, – повторил Моут, выключая монитор.

Пфафф почувствовал, как холодный колючий ком начал обжигать его внутренности.

– Что это значит? Причём тут мои дети?

– Вот это почти деловой разговор, мистер Пфафф. О, не пугайтесь ради Бога! С ними ничего не случится, если вы сейчас же, сию минуту дадите слово сотрудничать с нашей корпорацией. И наоборот, если вы по-прежнему будете упорствовать в своём нежелании сотрудничать с нами, ваши прекрасные дети, а следом и милая жёнушка тоже начнут испытывать некоторые... неудобства.

Генри Пфафф был человеком обычной интеллигентно-тепличной комплектности. Его руки и пальцы были сильны настолько, чтобы часами не отрываясь и не уставая ваять свои мысли на бумаге с помощью легковесной ручки или клавиатуры компьютера. Самая тяжёлая ноша в его жизни в последнее время был двухсекционный кейс с его бумагами и заботливо завёрнутым в холщовую бумагу сэндвичем упакованным в бумажный пакет. Мариэтта была прекрасной хо-

зьяйкой. Генри не ходил в модные фитнес-клубы и не тягал железки в спортзале. Не бегал по утрам и вечерам по парковой зоне. Всё его время поедала ненасытная серая масса – мозг, который в его неполные сорок пять лет фонтанировал идеями, заменяющими ему всё на свете, кроме семьи, разумеется.

Он молнией метнулся к столу. Его пальцы с неожиданной силой вцепились в горло негодяя. Моут попытался оторвать руки профессора от себя, но пальцы Генри неотвратимо сжались на горле и начали перекрывать ему дыхание. Уже хрипя и задыхаясь, Моут нащупал кнопку вызова, спрятанную под краем столешницы стола. Ворвавшийся в кабинет лысый амбал коротко рубанул ладонью в основание черепа профессора и тот сразу обмяк, повалившись на пол.

– Чёрт! Он мне едва шею не сломал.

Моут судорожно сглотнул и, помассировав шею, поправил растрепавшийся пробор на голове.

– Да? А с виду хлюпик-хлюпиком, – осклабился Милвз. Сэр, может мне с ним поработать? Янг тоже был не особо створчив после беседы с вами. А после того, как я с ним «побеседовал», стал как шёлковый.

– Ага, если не считать сломанный палец, Стив. Нет, после этой вспышки, профессор станет мягче пластилина, я уверен.

– Ну, хорошо, я по-прежнему за дверь, сэр.

Стив, грубо схватив Генри подмышки, усадил его на стул,

достал из кармана пузырёк с зеленоватой жидкостью и поднёс его к носу бедолаги. Пфафф резко мотнул головой в сторону. Сознание вновь вернулось к нему, и он с ужасом осознал, что по-прежнему находится в руках этих мерзавцев.

– Мистер Пфафф, вы готовы к продолжению разговора?

Заметив, что на щеках Генри вновь задвигались желваки, Моут деланно-миролюбиво протянул.

– Признаю, что было большой ошибкой с моей стороны говорить о вашей семье. Но вы сами, своей упёртостью вынудили меня применить этот ... не совсем дозволенный приём.

– Чёрт бы вас побрал! Чего вы хотите от меня?

– Того, чего хотите и вы – реализовать вашу прекрасную идею. Создать действующий образец резонатора сдвига.

Генри очумело захлопал глазами.

Но тогда объясните, зачем вы так поступаете со мною? Это похищение... Угрозы моим родным... Зачем всё это?! Я бы сам, по собственной воле явился в опытно-конструкторское бюро СКАО и...

– Наша корпорация не имеет никакого отношения к дохлой кошке, которую вы называете СКАО. Я напомним, что вы находитесь в одном из филиалов «Корпорации Ной-2».

– Ной, Ной, – несколько раз повторил Генри, – вот почему вы спрашивали, верю ли я в Бога. Но, знаете ли, можно быть законченным атеистом и при этом просто из чистого любопытства прочесть Библию и узнать, кем был Ной.

– Резонно, – едва разомкнул узкие губы, Моут.

– Ной, – продолжил учёный, – если мне не изменяет память, выполняя волю Бога, построил ковчег, на котором во время всемирного потопа спасся сам, спаслась его семья и разные твари по паре.

– Для законченного атеиста, коим вы себя считаете, вы прекрасно осведомлены об этом ужасном для человечества, периоде. Да, Ной, богобоязненный человек, святой человек, по сути, полубог, спас человечество от полного уничтожения. Он спас нас с вами, сэръ.

Пфафф всплеснул руками.

– Да поймите же вы. Это всего лишь легенда, миф, который ничем кроме святого писания написанного полуграмотными евреями, не подтверждается.

– Хорошо, пусть это всего лишь миф. Пусть сказка. Но какова! Один, всего лишь один мудрый человек, сам или по совету, – Моут закатил глаза, – всевышнего, спас человечество от неминуемой гибели. Просто чудо!

Гарри дёрнулся было вперёд, чтобы снова нависнуть над столом, но передумав, наоборот, ещё больше вжался в кресло.

– Да, мы не зря включили в название нашей корпорации слово «Ной» под номером два. Мир вновь навис над краем бездны. Как и в те стародавние времена люди погрязли в грехах. Мужеложествуют. Лесбиянничают. Превращаются тысячами, миллионами в законченных наркоманов, алконавтов и игроманов. СПИД выкашивает целые страны. Зо-

лото, а не любовь и добродетель – вот кумиры нынешнего поколения, поколения дебилов, для которых человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит. Даже наша, самая продвинутая передовая нация – во что она превратилась? По нашим штатам и улицам ходят раскормленные донельзя туши лишь отдалённо напоминающих своих славных предков. Обжорство и некачественная пища скоро превратят американцев в малоподвижные машины по пожиранию пищи. Нам грозит неумолимое самоуничтожение!

– Вот как? – тонкие брови учёного взлетели вверх, – не слишком ли вы сгущаете краски, мистер Моут?

– Напрасно иронизируете, Генри. Сейчас на планете проживает почти десять миллиардов людей. И, по крайней мере, восемь-девять из них, это отбросы, всё пожирающая саранча. Земля уже стонет, задыхается под гнётом этой массы людей с их ненасытными утробами и всё возрастающими потребностями. Ещё немного и планета восстанет и или изжарит всё человечество или заморозит всех до единого. На ней уже почти не осталось никаких ресурсов. Более менее повезло русским и бразильцам. У них ещё есть нефть, газ, леса, вода, плодородная почва. У остальных и этого не осталось. Мир ждёт неминуемый голод. А китайцы, индийцы, индонезийцы и прочие азиаты? Их уже сейчас больше половины населения Земли. Вы хоть представляете, что будет, если каждый из них вознамерится жить так же богато и с таким же комфортом, как мы, американцы или европейцы?

Всё рухнет в тартарары и Земля пожрёт нас всех без разбора: и продвинутых американцев, и прожорливых китайцев, и воинственных русских.

Глаза Моута странно округлились. Их водянистый цвет налился неожиданной синевой. Губы вытянулись в узкую злую полосу.

– Послушайте, мистер Моут, у нас с вами какой-то странный разговор получается. Отвлечённый, на общие темы. Причём тут я и мои резонаторы сдвига?

Гарри и сам понял, что напрасно теряет время и всё же нашёл в себе силы загадочно улыбнуться.

– Всему своё время, сэр. Но вот что я вам скажу. Возможно, в недалёком будущем ваше имя золотыми буквами впишут в историю нашей обновлённой страны. Но давайте пока вернёмся в реалии нашего непростого времени. Итак, мы ждём от вас чуда. Вы должны создать действующий образец резонатора сдвига. И чем скорее вы это сделаете, тем скорее увидите свою семью...

Второй день заточения Пфафф провёл в глубоком раздумье. Что он мог противопоставить этим негодьям? Прощаясь с ним, Моут вызвал в кабинет Милвза и снова недвусмысленно намекнул – с его семьёй будет всё в порядке до тех пор, пока он будет сотрудничать с корпорацией. На третий день, Генри потребовал принести ему компьютер или ноутбук, бумагу и ручки разных цветов. Работа закипела. Че-

рез несколько дней Стив Милвз принёс профессору выкладки существенно уточняющие габариты будущего устройства и его деталей. В частности от него потребовали, чтобы резонатор собирался из отдельных блоков. Причём их размеры не должны были превышать одного метра в ширину и трёх в длину.

Но Пфафф уже устал удивляться этим капризам. Метр на три, значит метр на три. Блоки, значит блоки. Хотя в своих мечтах он уже рисовал такую картину: «Мичиган», мощнейшая американская ракета выводит на орбиту целый агрегат резонатора размером с пятиэтажный дом. Теперь в том положении, в котором он оказался, ему было безразлично для чего заданы именно такие размеры. Он, забывая порой толком поесть, до глубокой ночи корпел перед компьютером, подбирая оптимальные схемы, обводы и материал для своего детища. Ещё через неделю этого каторжного труда почерневший от постоянного недосыпа, похудевший и обросший щетиной, Генри забарабанил в дверь.

– Эй, Милвз, чёрт бы тебя побрал! Где ты там?

Был уже второй час ночи и когда Стив открыл дверь его лицо было похоже на морду рассерженного бульдога.

– Ну вы даёте, док! Ночь на дворе. Ложитесь спать, а утром всё решим.

– Я и так слишком задержался у вас. Зовите Моута или я... сожгу чертежи к чёртовой матери!

Амбал погладил вдруг вспотевшую лысину. Его так и под-

мывало дать под зад этому хлюпику, но тут на его запястье заверещал браслет. На миниатюрном экранчике появилось напряжённое лицо шефа.

– Стив, проводи его ко мне.

Пфафф поднял глаза и только сейчас заметил чуть выше двери глазок видеокамеры спрятавшейся между двух репродукций картин. Он протянул рулон чертежей в сторону видеокамеры и тут же из браслета Стива донеслось.

– Чертежи, разумеется, принесите ко мне.

Похоже, Моут всё время следил за узником, и спать не ложился. Он придирчиво до трёх часов ночи изучал каждый чертёж, каждую схему и комментарии к ним. После чего задумчиво произнёс.

– Вроде бы всё верно. Но это только полдела, Генри. Людям, которые стоят за мной, нужны не бумажки, а готовая вещь, способная выполнять полезную работу.

– Послушайте, но это же нечестно! Вы сказали разработать чертежи, я их сделал. Дальше дело за техническим персоналом...

– Вот что, профессор, я вам скажу.

Лицо Моута вытянулось. Острый нос загнулся к верхней губе. Глаза превратились в узкие амбразуры.

– Пока эта хрень, – он кивнул на ворох чертежей, – не будет воплощена в металле и опробована в натуре, вашу работу нельзя считать завершённой. В конце концов, любой дурак может нарисовать за пару дней такую же кипу бумажек.

А мне важен конечный результат.

– Но мне-то что сейчас делать?

Моут снова блеснул своими алмазными коронками.

– Пока отдыхайте. И приведите себя в порядок. Вы же сами на себя не похожи. Нельзя так опускаться, Генри.

Он вызвал лысого амбала и уже вдогонку сказал.

Я скоро сведу вас ещё с одним нашим сотрудником, профессором Янгом. Нужно будет как-то увязать работу вашего агрегата с его АМС.

Отдых Генри Пфаффа продлился только два дня. На третий, не улыбочивый в последнее время Стив Милвз, проводил его в кабинет шефа.. Моут молча, показал вошедшему на второй стул, появившийся здесь накануне его прихода. На другом стуле сидел Джимми Янг. Это был уже довольно молодой человек. Его волосы изрядно выбелила седина. Мясистые щёки, толстые влажные губы и слегка выпученные глаза не делали его красавцем, но Пфафф знал, правда, больше заочно, что его старший коллега был довольно известным учёным-атомщиком. Его атомные министанции вовсю применялись в то же космонавтики уже лет десять, не меньше.

Янг церемонно привстал со стула подавая руку вошедшему.

– Полагаю, вы были уже знакомы до этой встречи?

Моут вопросительно посмотрел сначала на Пфаффа, затем на Янга. Генри лишь дёрнул плечами и неохотно взял с

подноса предложенный кофе. Янг же не преминул ответить.

– Не имел чести быть знакомым лично, но о последней разработке, резонаторах сдвига, наслышан. Довольно интересная штука, знаете ли.

В его глухом и лишь с виду высокомерном тоне не было ни живинки. Так, например, говорят о знакомом родственнике умершем лет сто назад.

– Руководству корпорации эта новинка тоже приглянулась. Теперь ваша общая задача заставить работать резонаторы от переносных АМС, при этом добиться совмещения их параметров, определить оптимальную мощность источника питания, предусмотреть возможность использования резонаторов в некотором удалении от миниреакторов.

– Послушайте, Моут, – Генри умышленно опустил слово «мистер», давая понять, как он относится к этому негодяю, – чем конкретно занимается ваша корпорация? Кто её возглавляет? Может вы втягиваете нас с профессором Янгом в преступную авантюру и при этом не раскрываете свои карты.

Глаза Моута моментально превратились в колючие щёлки, а нос снова сделал попытку воткнуться в верхнюю губу.

– Опять вы ерепенитесь, Генри. Я уже говорил и вам и уважаемому Янгу, что наша корпорация готовит операцию по спасению человечества. К сожалению, большего я сказать не могу. Придёт время, и вы всё узнаете. Сейчас ненужная и вредная информация будет только мешать вашей уже совместной работе. Что же касается вашего второго вопроса,

Генри, то отвечу так. Корпорацию возглавляют самые влиятельные люди Старого и Нового Света и, прежде всего нашей страны. Поверьте, это самые уважаемые и влиятельные люди нашего мира. Больше я ничего не могу к этому добавить. Работайте, господа, работайте. Ваши родные поди, давно уже заждались вас, так что торопитесь, торопитесь.

Янга и Пфаффа перевели в трёхкомнатный номер этажом выше. Третья комната их узилища была пуста. Но Генри был почему-то уверен, что пустовать она будет недолго. Пока Джимми вздыхая и бурча, мостился на своей заправленной кровати, Пфафф решил посмотреть в окно, чтобы хоть примерно определиться, где они находятся. В прежней комнате окно было заложено кирпичами. Но и здесь его ждало глубокое разочарование. Со стороны комнаты были натянуты обыкновенные пластиковые жалюзи. А вот под ними было бронированное зеркальное стекло, так что он по-прежнему даже приблизительно не знал, где он сейчас находился. Он развернулся в сторону комнаты Янга.

– А вас чем шантажировали, Джимми?

При этом Генри уже знал, где располагались камеры видеонаблюдения в их новом жилище, но ему было всё равно, что подумают о нём Моут или Милвз.

– Да, наверное, тем же, что и вас. Детьми. У меня ведь двое внуков. Мальчиков. Эти мерзавцы, – он покосился на входную дверь и понизил голос до шёпота, – сказали, что

будут каждый день присылать по кусочку от каждого из моих внуков, если я не стану сотрудничать с ними.

– Господи, Америка, Америка, куда ты катишься?

Пфафф не снимая обуви, повалился на кровать.

– Всё закономерно, Генри. К сожалению, достойного противовеса в мире, после развала СССР, для нас не оказалось. А я ещё захватил те времена, когда чуть ли не в каждом дворе более менее состоятельных американцев были оборудованы бункера на случай войны с русскими. Скажу откровенно, русских во времена холодной войны, да и сейчас тоже, мало кто уважал, а вот бояться боялись. И мы не метались по всему миру, сея хаос и разруху. Впрочем, Россия встала с колен после нокаутирующего удара и по-прежнему является единственной страной, которая может достойно огрызнуться. Америка, да, да, вся наша нация, развращена избыточной силой. К нам льнут сателлиты, которые отшатнулись от России и которые с такой же лёгкостью предадут и нас, как только зашатаемся мы. Самоубийство нашей нации началось ещё со времён Кеннеди и Никсона. Мы ввязывались во всё новые и новые войны, истощая свои ресурсы и залезая в долги. Мы ведь должны всему миру, Генри. Это позор!

Он ещё долго о чём-то говорил, а Генри, задремав, снова видел в дрёме, качающуюся на качелях Мариэтту, резвящихся на лужайке детей. Он не любил политику и политиков. Голосовал он лишь однажды, после своего совершеннолетия. Больше к избирательным урнам он не подходил. Наука, толь-

ко она влекла его как магнитом и лишь на время отпускала, чтобы он мог поцеловать жену и своих неизвестно каким образом народившихся детей. Он сконструировал вокруг себя и семьи плотный непробиваемый кокон... И вот теперь этот кокон жестоко, как ржавую консервную банку порвали...

В этот момент до его сознания дошли последние слова Янга.

– Генри, вы не догадываетесь, что задумали эти люди?

– Не имею ни малейшего понятия. Моут говорил, что-то о Ное, о спасении человечества. Только вот причём здесь ваши миниреакторы и мои резонаторы?

– Действительно, причём? У меня иногда возникает мысль, что мы попали в руки суицидально озабоченных параноиков. Впрочем, – Янг махнул рукой в сторону дальней комнаты, – если мы дождёмся заселения туда нового постояльца, многое может проясниться. Знаете ли, через две точки можно провести только одну прямую линию. А три точки дают многовариантность...

Когда они на третий день совместной работы вернулись в сопровождении Милвза в свой номер, их ждал сюрприз. В дальней комнате растянувшись во весь свой громадный рост, спал крепкий, широкоплечий мужчина. Его руки и лицо имели свежие следы ссадин и кровоподтеков. Похоже, крепыш дал достойный бой своим захватчикам. Присмотревшись, Генри заметил наручник, надетый на запястье бе-

долаг. Было уже поздно, и они не стали будить коллегу по несчастью.

Утром в их номер вошли трое: Милвз и два гориллообразных амбала с почти полным отсутствием просвета, называемого лбом, но руки которых, представляли сплошные бугры из мышц. Стив мельком посмотрел в сторону Янга отдохавшего в ближней комнате, затем также мимоходом убедился в горизонтальном положении Пфаффа и шагнул в дальнюю комнату. Дверные полотнища во всех комнатах номера, кроме ванной и туалета были сняты заранее, и Генри, лишь чуть подавшись вперёд видел и слышал, что творилось у соседа. Стив Милвз широко расставив ноги, стоял перед небольшим пристенным столиком и перетряхивал содержимое дорожной сумки нового узника. Какое-то время он вертел в руках небольшой пластмассовый предмет.

– Додж, дружище, что это такое?

Человек навзничь лежавший на кровати даже не повернул голову в его сторону. Стив хищно ощерился и что-то буркнул своим головорезам. Тотчас же на упрямыца посыпался град ударов. И хоть часть ударов Доджу удалось как-то отбить или погасить, ему всё равно здорово досталось. Милвз коротко свистнул и амбалы словно дрессированные мастиффы тотчас же отступили в сторону.

– Повторяю вопрос, что это?

– Это ингалятор, урод.

Стив отставил прибор в сторону и хмыкнул.

– Так ты ещё и астматик? Разве эта болезнь не мешает тебе заниматься исследованием пещер?

Спелеолог вытер запястьем свободной руки сукровицу с разбитого носа и ненавидяще уставился на Милвза.

– Наоборот, я лечусь в них.

Стив довершил осмотр вещей Доджа. Небольшой складной нож, узкий длинный фонарик, зажигалку, катушку с толстой нитью и прочую мелочь он сгрёб обратно в сумку и тут же сунул её одному из амбалов.

– Ингалятор я оставлю, а вот остальное выдам, как говорится на выходе из заведения, – на лице Милвза появилась кривая ухмылка, – вы все теперь находитесь на полном обеспечении корпорации. И вот ещё что, здоровячек, я сейчас сниму с тебя наручники, но если ты снова начнёшь выступать, твоя больная мамочка в один прекрасный день получит фотографию истерзанного тела своего обожаемого и единственного сыночка. Так как, мы будем паиньками?

Даже из своей комнаты, Генри услышал зубовный скрежет этого огромного человека, ещё не до конца сломленного, но прижатого к стенке обеими лопатками. Он ничего не ответил. Он лишь слегка качнул головой. Стив сделал знак и один из охранников быстрым движением снял наручники с руки пленника и отцепил их от скобы в стене. Додж медленно спустил ноги с кровати и с жадностью приложил ингалятор к лицу. На его землистого цвета щёки стал возвращаться нездоровый румянец. Стив отступив к проёму двери весело

сообщил обращаясь сразу ко всем.

– Сегодняшний день объявляется днём знакомств и воспоминаний. Шеф дал добро на посещение вами нашего уютного кафе. Вот эти милые мальчики вас проводят туда, как только вы приведёте себя в порядок.

Сверкнув напоследок зубами, Милвз пошёл к выходу. Следом потопали и его головорезы. Как только в бронированной двери щёлкнул замок, Янг и Пфафф поспешили к комнате нового гостя.

– Генри, Джимми, – представились профессора.

– Додж Тронлей, спелеолог, – ответил тот.

Пфафф и Янг по очереди рассказали ему о том, как они попали сюда, чем занимались до пленения.

– Неважно выглядите, Додж, – Пфафф кивнул на лицо и руки мужчины, – эти мерзавцы хуже мясников в мясном ряду.

– Да уж, мерзавцы они конченные.

Тронлей задумчиво потёр окровавленные запястья.

– Наша группа находилась в экспедиции в горном и совершенно неизученном районе Новой Гвинеи. В прошлом году там совершенно случайно обнаружили целый каскад пещер. А уже в этом году буквально в пяти километрах от лагеря мы наткнулись ещё на одну. В тот день, когда всё случилось мы с Кэт, – он чуть смутился, – моей хорошей знакомой, – решили осмотреть этот район получше. Дороги к пещере не было, и мы шли к ней пешком. Где-то на полпути к ней на

нас напало пять или шесть человек. Кэт стала сильно кричать и они её сразу вырубил. А я стал махать с грабителями, кем они мне тогда показались. Хотя какие грабители могли оказаться в этой глуши? Туда и аборигены стараются не заходить, там вдоль отрога сплошные топи.

В общем двоих я успел сбить с ног, всё-таки когда-то занимался боксом, но кто-то из нападавших навалился сзади и сунул мне в шею электрошокер и я упал. Через какое-то время очнулся, смотрю, меня уже везут по просёлку в джипе.. Я закричал на них, что они сделали с девушкой? Ответили, что мол, она жива и что её жизнь будет зависеть от того, как я буду себя вести. Но скорее всего, её как ненужного свидетеля, убили, или в лучшем случае оставили связанной в лесу. Надеюсь что Синта и Пол найдут Кэт.

Дождь горестно покачал головой.

– Мы подъехали к небольшому селению и тут один из негодяев вколол мне какую-то дрянь в предплечье. Больше я ничего не помню, очнулся уже здесь.

Трое мужчин присев на кровать Тронлея надолго замолчали. Каждый из них снова и снова вспоминал до малейшей подробности тот день, когда его похитили. Получалось, что у каждого из них были болевые, уязвимые точки, которыми так мастерски и коварно воспользовались похитители. У Янга и Пфаффа это, прежде всего дети и внуки, у Тронлея – больная мать и девушка.

– Дождь, – Джим коснулся руки спелеолога, – вы оказались

здесь последним из нас. Скажите, была ли шумиха в прессе, на телевидении или в интернете после нашего похищения?

Тронлей отрицательно мотнул головой.

– Нет, пожалуй, нет. Впрочем, мы ведь были к этому времени уже две недели в экспедиции и если и включали спутниковую связь, то только по делу. Приходилось беречь элементы питания. Там ведь в радиусе двухсот километров одни полуголые папуасы бродят и ни одного магазина вокруг.

Он грустно улыбнулся, встал и решительно подошёл к окну. Генри равнодушно заметил.

– Бесполезно, Додж. Окна замурованы.

Янг тоже соскочил с койки и нервно забегал по комнате, что-то бормоча себе под нос.

– На какую тему сердимся, Джим? – невесело пошутил Пфафф.

– Сердитость это не тот эквивалент тому, что я сейчас испытываю. Я взбешён. У меня до сих пор в голове не укладывается, как они посмели поступить так с нами. Ведь каждый из нас известная в своём деле личность. И, несмотря на это похитители выкрали нас. Не хочу плохо думать о том, как они поступили с нашими близкими, скорее всего все они живы. Ведь мы в любой момент можем прекратить наше вынужденное сотрудничество с корпорацией и потребовать немедленной связи с ними или, по меньшей мере, доказательств того, что они живы.

– Полностью с вами согласен, док.

Тронлей, произнося это, пристально смотрел в точку, расположенную в верхнем углу потолка слева от дверного проёма. Там, в стыке между натяжным потолком и стеновыми панелями было едва заметное круглое отверстие.

Генри проследил за взглядом Джима.

– Камер наблюдения нет разве что в туалете.

В этот момент щёлкнул замок входной двери в прихожке. Улыбающийся Стив Милвз широким жестом приглашал их на выход. За его спиной переминались с ноги на ногу уже трое громил.

Несмотря на полную изоляцию, узники старались не терять чувства времени. Их спальные комнаты просматривались камерами видеонаблюдения. Глазок торчал даже в торцевой стене ванной комнаты. Единственным местом, где не велось наблюдение, был довольно тесный пенал туалета. «Хранителем» времени по обоюдному согласию назначили Янга. Он был, пожалуй, самым педантичным из всей тройки. Для подстраховки, утром, Генри или Додж молчаливо, одним взглядом «спрашивали» Джима, сделал ли он очередную отметку. И практически всегда, Янг, отвернувшись от глазка видеокamеры, пару раз, заговорщически моргал в ответ, давая понять, что он свою работу сделал.

Нужно сказать, что в номере всё было зачищено от любых острых предметов ещё до их прибытия сюда. Ни ножей, ни вилок, ни гвоздей и даже зубочисток не было и в помине. Но узникам повезло. В складке шва наружного кармана

пиджака Пфаффа обнаружилась небольшая латунная канцелярская скрепка. Вот этой штукой, Янг каждое утро выцарапывал еле заметные чёрточки на внутренней части наличника двери туалета. И по их подсчёту получалось, что именно на тридцать восьмой день затворничества Янга и Пфаффа заставили спуститься на лифте до гаража, расположенного в цокольной части здания, где их посадили в автофургон, у которого вместо окон были только несколько вентиляционных решёток, обрамлённых снаружи металлическими отбойниками. Вместе с учёными в фургоне ехали четверо вооружённых охранников. Машина ехала менее часа. Когда она остановилась, на глаза пленников натянули глухие повязки. Им помогли сойти с машины и тут же подняться по другому трапу в гудящий моторами вертолёт или самолёт. Поскольку машина без разбега сразу же закачалась в воздухе, стало понятно, что это всё-таки вертолёт. Полёт длился примерно полчаса, не более. Повязки с глаз у них сняли, когда вертолёт приземлился в каком-то горном распадке.

У трапа их встретил... Гарри Моут.

– С благополучным прибытием на наш испытательный полигон, господа! Правда деланная американская улыбка быстро сползла с его лица.

– Итак, господа, настал час икс. Подготовка к испытаниям ваших творений полностью завершена. Думаю, не будет великим грехом с моей стороны, если я сообщу вам, где мы находимся. А находимся мы недалеко от города Спокан на

стыке между Скалистыми и Каскадными горами. Здесь есть чудесная и практически недоступная для вездесущих туристов пещерка, так что нам никто, надеюсь, не помешает. Мистер Янг, можете быть спокойными за работу своей АМС – в пещере есть постоянный и достаточный запас воды. Как вы думаете, мистер Пфафф, на что способен ваш резонатор? Мы ведь понятия не имеем, как он будет себя вести не в космическом вакууме, а в стеснённых условиях пещеры. Генри вспыхнул.

– Послушайте, Моут, я не знаю, как он вёл бы себя, скажем на орбите Земли, а уж здесь в земных условиях... – Пфафф растерянно пожал плечами.

– Ну, это неважно, скоро мы всё узнаем. Через... э-э, тридцать минут мы запускаем ваш реактор, док, который будет питать ваш резонатор, Генри.

Слово «ваш» Гарри говорил с заметным нажимом, сразу давая понять, кто есть кто в предстоящем испытании. Моут махнул рукой и из второго вертолёта приземлившегося здесь раньше учёных вышло двое. У одного из людей на плече появилась телекамера, второй растягивал в сторону пещеры провод с двумя светильниками. Моут проводил киношников глазами.

– Мы тут по-ходу нашего дела снимем фильм, в котором одними из главных героев будете вы, господа. Поверьте, я не претендую на ваши лавры. Только ваши счастливые лица должны попасть в анналы истории, господа. Но это всё – ли-

рика. А сейчас потрудитесь проверить и так сказать оценить профессиональным взглядом, что мы нагородили в пещере. После чего милости прошу вон в тот бункер, – он показал рукой на площадку, куда уже перелетели оба вертолётa.

Голос функционера корпорации звучал нарочито бравурно. Хотя было видно, что Гарри волнуется и волнуется очень сильно. В конце концов, от результатов испытаний зависело, как к нему будут относиться хозяева корпорации. Янг и Генри, молча, полезли в полуосвещённый зев пещеры. Что ни говори, но обоих учёных распирало чисто профессиональное любопытство. Одно дело чертежи и даже виртуальные компьютерные проекции их разработок, другое дело – изделия в металлической плоти.

Резонатор был собран из четырёх одинаковых по размерам блоков. От каждого блока в сторону стен пещеры тянулись стойки упоров выполненных из толстостенных труб. От энергопровода резонатора вглубь пещеры тянулся мощный бронированный кабель. Янгу помогли перебраться через верх резонатора по шаткому переходному мостику и вскоре он добрался до своего детища – атомной министанции. Для удобства её монтажа в теле скалы буквально выгрызли небольшую площадку над самым зеркалом воды подземного озера. Джим с затаённой любовью погладил покатые бока станции. Он нисколько не сомневался, что она не подведёт. Уже несколько десятков подобных АМС исправно

служили в космосе, на многие годы продлевая ресурс космических аппаратов. Янг даже не стал делать обмеры. Его наметанный глаз сразу определил – все параметры, заложенные в технические условия выполнены безукоризненно. В бункере, в который учёные вошли сопровождаемые Моутом, было несколько пультов контроля, три стола и несколько стульев. Гарри указал им на свободные места.

– Регистрация всех параметров испытаний будет производиться в автоматическом режиме. Затем я предоставлю все эти записи в ваше распоряжение. Мне важно узнать ваше мнение о работе связки резонатор-АМС, особенно в начальный и конечный момент испытаний.

На столе перед профессорами одиноко стоял лишь обыкновенный серийный сейсмограф. За другими столами суетилось ещё несколько человек, настраивающих свою аппаратуру, о назначении которой можно было только догадываться. Торжественно посмотрев в сторону учёных, Гарри поднёс к уху трубку армейского полевого телефона.

– Начали!

Какое-то время ничего не происходило. Моут всё чаще кидал разочарованные взгляды то в узкую амбразуру бункера, то в сторону Янга и Пфаффа. Но когда он, горя нетерпением, собрался вскочить со стула и крикнуть в лица этих интеллигентов – придурков самые бранные, площадные слова, какие он только знал, бункер задрожал. Затем мелкое дрожание пола под ногами перешло в скачкообразное движение

всего, что находилось в бункере и самого бункера, мощного монолитного сооружения с защитой способной выдержать ядерный взрыв любой мощности, случись он в радиусе не ближе пятисот метров от него. Столы и аппаратура на них были не закреплены, и теперь они металась по тесному пространству убежища вперемешку с людьми. Всё смешалось: люди, стулья, столы, пульта, ноутбуки, телефон с сорванной трубкой, крики, стоны. Ножка одного из стульев угодила прямо в голову Янга и тот, обмякнув, метался от стенки к стенке рискуя вообще сломать себе шею в этом кошмарном бедламе. Генри тоже мотало из стороны в сторону как тряпичную куклу, но ему удавалось пока уворачиваться от взбесившихся предметов, воющих от страха людей. В какой-то момент он исхитрился поймать Джима за куртку и вжаться вместе с ним в угол бункера упираясь в пол всё время оскальзывающимися подошвами ботинок. Лицо Моута, которого несколько раз сильно приложило о стенки, заливалась кровь, хотя он в отличие от некоторых, молчал как рыба. Но его синие, почти чёрные губы и лязг зубов говорили, что он не просто напуган, а буквально раздавлен страхом. И всё же где ползком, где на карачках, он добрался до прыгающего телефона и летающей трубки и прорычал в неё.

– Немедленно отключите станцию, уроды!

В ту же секунду его резко дёрнуло в сторону, и провод трубки вырвало из гнезда телефонного аппарата. Но его команду слышали. Постепенно неистовая пляска бункера ста-

ла сходить на нет и вскоре лишь редкие колебания почвы напоминали о том, что происходило здесь ещё пять минут назад. Но ещё долго какой-то неземной, утробный гул продолжал исходить от пола, потолка и стен убежища. В бункере висела пыль. Но даже через её пелену Генри с ужасом обнаружил, что все они были буквально на волосок от гибели. В противоположном от него углу убежища зияла огромная трещина. Толстенные, в два метра толщиной, стены бункера усиленные стальной арматурой чуть ли не в руку человека, расплзлись в стороны, как гнилой картонный домик бомжа. Быстрее всех пришёл в себя Моут. Подняв сейсмограф с пола, Гарри тупо смотрел на него. Пфафф привалив Янга к стенке, поднялся на ноги и посмотрел через плечо «главного испытателя». Теперь тупой вид Моута его уже не смешил.

Известно, что сила землетрясения исчисляется по десятибалльной шкале Рихтера. И насколько он знал, самые сильные землетрясения за всю историю их наблюдения редко доходили до девяти баллов. Взгляды Моута и Генри встретились. Но если у Пфаффа в глазах застыл ужас от увиденного, то в глазах Гарри горел дьявольский огонь. В своём углу застонал приходящий в себя Янг. Генри кинулся к нему и тут же услышал за спиной гомерический хохот «шефа».

Через день после проведённых испытаний в номер узников загадочно улыбаясь, вошёл Стив Милвз. Не говоря ни слова, он что-то бросил на пол и тут же ретировался. Это бы-

ла газета, точнее самая малая её часть. Она была изрядно порезана. Целым был лишь разворот на второй и третьей страницах. Остальные страницы были безжалостно вырваны.

Пфафф позвав Тронлея за собой зашёл в комнату Джима, лежащего на кровати с перебинтованной головой. Генри бегло пробежал глазами по первым газетным строчкам и округлившимися глазами уставился на Доджа. Спелеолог иронично следил за метаморфозами, происходящими на лице профессора. Вчера, здание в котором их держали, здорово тряслось, но и только. И вчерашнему сбивчивому объяснению Генри он не слишком поверил. А уж продажные журналюги... уж что что, а приврать они мастера. Но по мере того, как Пфафф монотонно продолжал читать материал, Додж всё больше и больше мрачнел. Там сообщалось:

– «Сегодня, в девять часов утра по местному времени в штатах Орегон, Вашингтон, Айдахо, Монтана и двух прилегающих к ним канадским провинциям, произошло катастрофическое, невиданное по своей силе землетрясение. Города Споканн, Калиснелл, Мизула, Уолла-Уолла полностью стёрты с лица земли. Канадский Ванкувер, американские Сиэтл, Такано, Олимпия, Портленд, Бойсэ и Бьют лежат в руинах. В других городах в радиусе двух тысяч километров от эпицентра землетрясения многие здания в городах и посёлках имеют разрушения различной степени. В радиусе пятисот километров от эпицентра сильными толчками были разрушены практически все надземные и подземные коммуникации,

дамбы водохранилищ, подземные газовые резервуары, нефтеперерабатывающие предприятия и резервуарные нефтеналивные парки. К моменту выпуска этого номера известно, что в этом пятисоткилометровом очаге разрушения бушует огненный шторм охвативший пострадавшие штаты. В эту зону не могут пробиться спасательные подразделения, поэтому о судьбе людей оказавшихся в этих районах пока ничего неизвестно. Потоки беженцев, нарушенные дороги, уничтоженная инфраструктура практически парализовали весь северо-запад США и юго-запад Канады. По указанию президента на помощь спасателям брошены все ближайшие подразделения армии и национальной гвардии. Уже развёрнуты и действуют сотни эвакуационных пунктов для приёма беженцев. Многие из беженцев ранены и обожжены и нуждаются в неотложной медицинской помощи. Для тушения техногенных и лесных пожаров задействован весь парк специальных пожарных самолётов и вертолётов. Но по признанию главы ассоциации пожарных мистера Рендотты, этих сил явно недостаточно, учитывая масштаб бедствия. Правительство США уже обратилось к европейскому парламенту, в правительства Бразилии, России и Китая с просьбой оказания срочной помощи в ликвидации стихийного бедствия. Редакция располагает космическими снимками зоны бедствия. Очевидно, что в результате мощнейших подвижек земной коры полностью перекрыто русло реки Колумбия в районе руин города Спокэн. Тоже самое, произошло и с руслом правого притока Ко-

лумбии, Снейка в его среднем течении. В результате начал стремительно увеличиваться уровень воды в двух водохранилищах созданных нерукотворной апокалиптической катастрофой. В настоящее время федеральная комиссия по ЧС созданная по инициативе президента решает вопрос о ликвидации угрозы спонтанного сброса накопленной в этих водохранилищах воды в районы, где разворачиваются спасательные операции...»

В конце статьи был помещён краткий комментарий только что полученный с места событий от собственного корреспондента «Таймса», Бобби Руша:

– «О силе землетрясения поразившего северо-запад страны говорит то, что все сейсмографы от Сиэтла до Денвера и от Сан-Диего до канадского Реджайна вышли из строя, так как они были рассчитаны на удары до десяти баллов. И ещё одна странная особенность этого мощнейшего землетрясения: при привязке точек сбрасывания огнегасительных материалов и десантных групп спасателей оказалось, что фактическое расположение этих точек по сравнению с картографическими данными сместилось в очаге поражения почти на двадцать километров на север...»

Последние строчки были, видимо рукой Моута, жирно подчёркнуты красным фломастером. Дальше Руш привёл показания некоторых очевидцев, о том, что накануне землетрясения они видели в небе странные, быстро перемещающиеся светящиеся объекты, а один из очевидцев утверждал,

что ночью заметил в небе сильное северное сияние, которое впрочем, для этих широт большая редкость.

За спинами Генри и примостившегося рядом с ним Тронлея послышалось хлопанье. Янг, закрыв лицо ладонями, плакал! Этот умудрённый жизнью человек, раньше, чем его молодые коллеги, понял, что они натворили.

– Убийцы! Убийцы! Убийцы!!

Джим, расталкивая товарищей, тянул в сторону видеокамеры свой кулачек и снова и снова исступлённо кричал.

– Убийцы! Убийцы!

Генри выпустил газету из рук и схватился за голову. Он вспомнил слова Моута о том, что весь цикл испытаний этого людоедского оружия и главные «исполнители» – Янг и Пфафф найдут достойное место в снимаемом фильме. Значит они оба, вольно или невольно стали соучастниками невиданного до сих пор преступления, виновниками гибели сотен тысяч, если не миллионов их соотечественников. Детей, стариков, женщин и мужчин...

Конечно, ещё до испытаний Пфафф прикидывал, какой ущерб мог принести его резонатор. Его прикидки были чисто умозрительные, но в любом случае он и не предполагал, что всё может закончиться такой ужасной катастрофой. Горячая волна горя, вины, злости и безысходности накатила так, что Генри стал буквально задыхаться от душивших его слёз. Тронлей рывком поднял газету с пола и, скатав в тугой шар с силой запустил его в глазок видеокамеры.

– Эй, Моут, мы требуем немедленной встречи! Слышишь ты, грязная свинья? Немедленно!

Их услышали. Щёлкнул замок входной двери. На пороге стоял криво ухмыляющийся Милвз.

– Шеф готов встретиться с вами прямо сейчас.

Стулья из кабинета Моута чудесным образом исчезли. Видимо этот мерзавец посчитал излишней фамильярностью, чтобы «преступники» грели свои задницы рядом с ним. Пусть стоят. Не рассыпятся. Учёных остановили у самого порога. Между ними и столом расположились Милвз и ещё один бритый накачанный амбал. Четверо охранников прикрыл за собой дверь, остались в коридоре.

– Поздравляю вас с успешным испытанием вашего резонатора, Генри. Ну а в ваших АМС, Джимми я и не сомневался. Всё прошло великолепно, господа. Вы даже не представляете как там, – Гарри закатил глаза и ткнул длинным пальцем в потолок, – рады нашим успехам.

– Вы мерзавец, Моут. Вы и ваши хозяева. Вы втянули всех нас, – Тронлей дёрнул головой в сторону своих коллег, – в преступную авантюру, по сравнению с которой меркнут атомные взрывы над Хиросимой и Нагасаки. На вашей совести сотни тысяч погибших, миллионы оставшихся без крова над головой...

– Если быть более точными, – перебил его Гарри, – погибших по состоянию на шестнадцать часов местного времени – триста восемьдесят тысяч. Более полутора миллионов ране-

ных и обожжённых. Семь миллионов остались в чистом поле. Правда данные ещё поступают и думаю, к полуночи цифры заметно подрастут. Но в чём, собственно проблема?

Ослепительная американская улыбка, появившаяся на лице Моута была сейчас так же уместна, как если бы какой-нибудь мэр на похоронах своего предшественника вместо дежурной речи перед погребением пописал бы в гроб. Пфафф и Янг подавленно молчали. Ужасающие цифры, озвученные Моутом буквально раздавили их волю. Особенно страдал Генри. Ведь именно его резонатор, его любимое детище, которое он изобрёл и готовил для блага всего человечества, нанёс сокрушительный удар по его соотечественникам.

Моут насмешливо наблюдал за метаморфозами, происходящими с лицами его рабов. Да, по сути, они были его рабами. Он мог их прямо сейчас раздавить как мокриц, мог помиловать, мог пообещать им соблазнительные перспективы. Сегодня в полдень он сообщил председателю канадо-американского клуба масонов о результатах испытаний и получил полную свободу действий по подготовке к операции «Ной-2». Сэр Гренхольд даже намекнул, что его, Моута, кандидатура, на ближайшем совете клуба будет включена в список Посвящённых. Это конечно ещё не полнокровное членство в ложе, но достаточно высокая ступень в их сугубо иерархическом братстве. А главное – это гарантировало ему место на одном из ковчегов. На Гарри даже накатила минутная слабость. В конце концов, чисто по-человечески он по-

нимал и Янга, и особенно Пфаффа. На этих бедолаг сразу столько всего свалилось.. Он вышел из-за стола, подошёл к Пфаффу и положил руку на его плечо.

– Генри, я понимаю, как вам сейчас тяжело. Ваш резонатор оказался настолько грозным оружием, что ни я, ни сэр Гренх..., – он тут же осёкся, поняв, что сболтнул лишнее, – ни руководство корпорации не ожидали, что последствия будут настолько ужасными. Что ж, настоящие прорывы в науке редко обходятся без жертв, порой и безвинных. Это нужно принять как данность, как неизбежность, которые порою наступают помимо нашей воли...

– Мерзавец! По твоей воле и по воле твоих шефов-засранцев погублено столько людей, а ты ещё и улыбаешься?!

Обе ладони Тронлея сомкнулись на горле Моута и если бы ему тотчас же не пришли на помощь Милвз со своим напарником, Додж свернул бы ему шею или вырвал кадык. Но несколько профессиональных ударов сделали своё дело. Спелеолог рухнул на пол. Моут, зло сплёвывая и потирая шею вернулся на своё место и закричал:

– Пещерный хоббит! Гоблин! Как ты мне надоел! Уберите отсюда эту падаль!

Подхватив Тронлея за руки-ноги, охранники выволокли его в коридор. К тому времени Моут успел оправиться от потрясения и вальяжно развалился в кресле.

– Ваш строптивый коллега считает всех кругом виноватыми, но только не себя. А зря. Он мне многое успел рассказать

ещё о двух десятках милых пещерок по всей планете. Правда, – Гарри скривил лицо, – не совсем добровольно. Но у нас есть средства, чтобы развязать язык даже таким упрямым. И потом, в фильме, о котором я говорил, определённая роль отведена и ему. Собственно его роль предвдвряет весь фильм.

Он включил монитор и развернул экран в сторону учёных. Пфафф и Янг сразу узнали характерный склон горы, в недрах которой находилась пещера и самого Тронлея стоящего у её входа. Звук был выключен и что Додж говорил про пещеру или про что-то другое было не ясно. Но было видно, что Тронлея слегка пошатывало, глаза его были какими-то застывшими, а руки, наоборот не знали куда деться. Он всё время невпопад размахивал ими. Моут, эта хитрая коварная лиса знал своё дело. Он и Доджа на всякий случай привязал к случившейся катастрофе. Когда на экране пошли кадры с участием профессоров, Гарри выключил монитор и самодовольно усмехнулся.

– Дальше вы и так всё знаете. Но могу успокоить вас. Этот фильм никто, никогда не увидит, слово джентельмена!

«Джентельмен» тут же ощерился и процедил.

– При условии, что вы по-прежнему будете сотрудничать с корпорацией. И наоборот. Если вы откажетесь от сотрудничества, то этот фильм будет запущен в прокат. Вас к тому времени мы отпустим на все четыре стороны. А вот как вы потом будете оправдываться перед вашими коллегами по научному цеху, перед правоохранительными органами, перед

своими жёнами, детьми и внуками – ума не приложу! Сразу оговорюсь – ссылка на нашу корпорацию будет, по меньшей мере, не уместна по той простой причине, что как таковой «Корпорации Ной-2» не существует. Место заточения вам так же неизвестно. Мои имя и фамилия, а также имена моих людей, разумеется, вымышленные. Я даже не представляю, что сделают с вами рассерженные американцы, узнав в вас главных героев произошедшей трагедии.

Милвз, стоявший рядом со столом шефа беззвучно зашёлся в смехе, но Моут так посмотрел на него, что у того щёлкнули челюсти закрывшегося рта. Второй амбал равнодушно и размеренно месил жвачку издавая при этом причмокивающие звуки.

– Прекрати чавкать, идиот! Перед вами стоят величайшие научные светила, а вы ведёте себя самым неподобающим образом, – заорал на своих помощников Моут и тут же сверкнул своей искусственной улыбкой в сторону учёных.

– Итак, господа, готовы ли вы к продолжению сотрудничества с корпорацией? Имейте в виду – всё человечество, в том числе и благодаря вам ждёт новое, великое будущее.

В кабинете повисла долгая пауза. Наконец Генри поднял покрасневшие глаза на их истязателя.

– Что с моей семьёй и семьёй Янга?

Брови Моута взлетели вверх, лицо ещё больше вытянулось.

– О, не беспокойтесь за них! С ними всё прекрасно. Все

живы и здоровы. Видите ли, по легенде, для ваших родных и для коллег по работе вы находитесь в секретной командировке. Корпорация ежемесячно переводит на счёт вашей жены, Генри и вашей дочери, Джим, кругленькие суммы, втрое превосходящие ваши прежние заработки. Близкие буквально боготворят вас. Кстати, вашему старшему внуку, Олдрину, Джим, вчера исполнилось восемнадцать и руководство корпорации, через вашу дочь, разумеется, сочло возможным сделать шикарный подарок. От элитного байкера последней модели мальчик просто сходит с ума! Мы рады, что он рад, поверьте.

И Гарри показал несколько кадров из жизни их семей, в том числе и восседающего на байкере смеющегося Олдрина.

– Поверьте, корпорация проявляет, и будет проявлять неизменную, и, заметьте, щедрую заботу о своих сотрудниках и их семьях. Это наше правило. Если хотите, доведённая до совершенства корпоративная солидарность.

Он снова выскочил из-за стола и начал снова перед невольниками, расписывая их прекрасное будущее. В конце он произнёс довольно странную фразу.

– Учитывая ваш вклад, я буду ходатайствовать перед руководством корпорации, чтобы вам дали статус полноправных членов гильдии учёных нового человечества.

Почувствовав, что опять сболтнул чуть лишнего, он осёкся и по-бычьему наклонил свою лошадиную голову.

– Впрочем, я так и не услышал однозначного ответа: вы с

нами или против нас?

Янг даже не шелохнулся, уставившись в какую-то только ему видную точку на полу. За него и за себя ответил Пфафф.

– Вы не оставили нам другого выбора.

Моут хмыкнул.

– Ну что ж, это не совсем да, но и вовсе нет.

Потом тихо добавил:

– Через пару дней, вам придётся ещё раз посетить нашу пещерку. Пожары в её районе ликвидированы. Пока ещё дымно и чадно, но с другой стороны будет меньше любопытных взглядов.

Генри удивлённо захлопал глазами и Моут замахал руками.

– Нет, нет, на этот раз никаких испытаний. Нужно проверить, что сделалось с вашим оборудованием, насколько оно сохранилось и на основании результатов осмотра посмотреть, что можно усовершенствовать в их конструкции, прикинуть, хотя бы теоретически, что произойдёт, если мощность вашего резонатора, Генри, увеличить эдак раза в два, а то и в три. Обеспечит ли энергией усовершенствованный резонатор ваш миниреактор, Джим, или придётся увеличить и его мощность. Словом, посмотрите на всё это своим профессиональным взглядом. После чего отчёт об этом мне на стол.

Доджа снова приковали к кровати. На его лице, теле и ру-

ках появились свежие ссадины и не смытые пятна крови. Когда Пфафф заглянул в его комнату, Тронлей демонстративно отвернулся к стене. Он явно не хотел разговаривать с главным виновником произошедшей трагедии. Да и что мог ему сказать Генри? Что он снова проявил слабость и поддался на шантаж Моута и стоящих за ним нелюдей? А ночью Пфаффа разбудил странный звук. Как будто с весенней сосульки вниз срывалась капля за каплей. Генри босиком прошлёпал в комнату Янга и в слабом свете ночника постоянно горевшего в прихожей увидел, как из полуспущенной с кровати руки профессора на пол капля за каплей струилась тёмная жидкость. Кровь! Генри быстро согнул в локте слабую, вялую руку Джима, зубами надорвал край простыни и оторвал от неё длинную полосу. Перевязав беднягу, решившего таким образом свести счёты с жизнью, Генри схватил запястье его другой руки. Из ладони Янга при этом на простынь упала та самая скрепка, с помощью которой они вели свой счёт дням.. Пульс был настолько слабым, что казалось, жизнь вот вот покинет это похудевшее, безвольное тело.

Генри метнулся было в сторону Тронлея, но вспомнил, что тот прикован наручниками к кровати. Да и чем он мог помочь? Всё что можно было сделать в их положении, Пфафф уже сделал. Генри решительно подошёл к входной двери и принялся неистово дубасить по ней кулаками. Вскоре за дверью послышались медленные шаркающие шаги. Дверь распахнулась и на пороге показалась полураздетая фи-

гура Милвза. Лицо Стива было злым и заспанным.

– Какого чёрта гремишь? Три часа утра!

– Стив, профессору Янгу плохо. Похоже, он прокусил вену на руке. Там, на полу натекла целая лужа крови.

Про скрепку, Генри умолчал. Её он заткнул за наличник двери в комнате Янга.

– Чёрт, чёрт, чёрт! Как вы мне все надоели!

Он оттолкнул Пфаффа в сторону, закрыл предварительно входную дверь и только потом направился в комнату Янга. Этот цепной пёс корпорации был как всегда предусмотрителен и осторожен. Как только он почувствовал шаги Генри он тут же рывкнул:

– Не стойте у меня за спиной!

Убедившись, что Джим ещё жив, он набрал номер на своём мобильнике. Через долгие десять минут в их номер постучались. Вошли двое: женщина средних лет и седой, сгорбленный, но довольно подвижный мужчина. Он быстрыми движениями ощупал тело Янга и что-то буркнул в сторону своей ассистентки. Женщина молча достала из длинного чехла треножник, зарядила капельницу и, нацепив её на треножник воткнула иглу в локтевую вену Джима.

Стив поймал взгляд врача. До тех пор пока от шефа не поступит приказ о ликвидации этих учёных-рабов, он головой отвечал за каждого.

– Как его дела? – кивнул он в сторону Янга.

– Как в песне: «а до смерти ему оставался лишь дюйм...».

Жив будет. Но учитывая его возраст и нынешнее плачевное состояние, ему как минимум неделю придётся повалиться в постели.

Милвз хмыкнул и зло посмотрев на бледного, как полотно, Янга, продолжавшего оставаться в забытии, отошёл в прихожку. Там он долго что-то бубнил в телефон, затем также долго выслушивал наставления шефа. Вернувшись, он тронул старого врача за рукав.

– Будете лечить его здесь. Ему, – он навёл свой квадратный подбородок на профессора, – запрещено покидать помещение.

– Как скажете, – безразлично произнёс врач и что-то тихо сказал на ухо пригорюнившейся медсестре.

Вскоре. Милвз и старик скрылись за дверью, а женщина, сменив капельницу, прошла в ванную и, вооружившись небольшим пластмассовым тазиком с водой и тряпкой занялась полом у кровати Янга. Всё это она делала молча, почти не поднимая глаз. И всё же из своей средней комнаты, откуда просматривался вход в ванную и туалет, Генри заметил, как иногда она быстро посматривала по сторонам. Похоже, она поняла, где находятся камеры наблюдения, а где их нет совсем, и когда под утро Пфафф прошёл в туалет, она тут же юркнула следом. Генри не успел даже возмутиться.

– Тише, тише! Меня зовут Хэлен. Я такая же подневольная раба корпорации, как и вы. Чем я могу вам помочь? Отвечайте, только быстро!

От неожиданности, Генри тупо развёл руками.

– Знаете, нам, наверное, и сам Господь Бог не поможет.

– А вы подумайте, подумайте, – горячо зашептала она и быстро выскользнув за дверь, лениво прошла в комнату Янга.

Спать уже совершенно не хотелось. С запозданием, до него дошло, что помощь этой женщины может коренным образом изменить их судьбу. Он ещё не знал как. Янг был без сознания и посему был не советчиком в этом. Генри побрёл в комнату Тронлея и, немного помявшись, уселся на краешке его кровати.

– Слушай, Додж, мне пришла в голову одна мысль, – тихо прошептал он в сторону спелеолога, косясь на глазок видеокамеры.

– Лучше бы твоя «мыслилка» накрылась медным тазом ещё в жеребьячем возрасте. Это ж надо было придумать такое – долбаный резонатор миллионами убивающий людей!

– Ну, знаешь, Додж! Эйнштейн, Браун, Курчатов и ещё с десяток гениев такое напридумывали, что нам до сих пор от этого икается.

– Да твой резонатор хуже атомной, водородной бомбы. Ты родил монстра, который угробит весь мир!

– Я создал резонатор для борьбы со злом, с астероидами, каждый из которых может убить жизнь на планете, – парировал учёный.

– Да, не зря говорят: «благими намерениями вымощена

дорога в ад!».

Пфафф снова покосился на глазок камеры. В это предрасветное время охранник, сидящий за пультом мог и дремать, но мог и увидеть их почти беззвучный диалог. Нужно было заканчивать это «свидание».

– Додж, ты всё-таки выслушай меня, – Генри понизил голос до еле слышного шёпота, – Янг проткнул себе вену на руке и едва не умер от потери крови. Сейчас у его кровати дежурит Хэлен, медсестра, вызванная Милвзом. Она только что спросила меня, чем сможем помочь нам.

Тронлей перевернулся на другой бок. Его лицо было по-прежнему угрюмым, но в глазах появился живой блеск.

– Может она провокатор, подосланный Моутом?

– Может быть. Но мы в таком положении, что нужно использовать любой шанс, чтобы вырваться на свободу.

– Классно! Только вот каким образом?

– Я попрошу её принести нам мобильник. Мы попытаемся связаться с внешним миром...

Тронлей скривился и от услышанного и от боли в разбитых губах.

– Чудак. Да её перед походом к нам наверняка обыскивают до трусов. И потом, если бы у неё была возможность связаться с внешним миром, она давно бы связалась с полицией и спасла хотя бы свою задницу. Нет, Генри, этот номер у нас не пройдёт. Спалимся сами и её спалим...

Он остановился на полуслове и впервые с опаской посмот-

рел в сторону видеокамеры.

– Слушай, док, попроси её принести нам кусок тонкой проволоки. Любой, но желательно медной, метров пять-восемь.

– Проволоки? – изумлённо и чуть ли не во весь голос пролепетал Пфафф и тут же Тронлей так его ущипнул, что профессор скривился от боли. И всё же Генри ещё раз, уже шёпотом переспросил.

– Зачем она нам?

Додж загадочно улыбнулся.

– Потом узнаешь. Пусть сначала принесёт.

Каким образом и где Хэлен раздобыла проволоку и умудрилась спрятать на себе она не рассказала. За узниками велось постоянное наблюдение, и вызывать лишние подозрения теперь никто не собирался. Но, как бы случайно оказавшись в дверях туалета, перед которым на секунду остановился Генри, она быстро шепнула.

– В сливном бачке!

Удивительная женщина. Она рисковала, крепко рисковала и всё же решилась им помочь. Во время обеда, в баре она коротко, косясь на охранников, рассказала о том, как попала в «корпорацию».

– С мужем я развелась давно. Растила сына одна. В тот день наша бригада делала сложную операцию в клинике. У меня не было врагов, как я тогда думала, но ошибалась. На

моё место анестезиолога давно метила Тина Хортиц, любовница доктора Бейлифа. Вот она и шепнула мне во время операции, что мой сын только что погиб под колёсами машины. Как я не упала в обморок от этого известия, знает один Бог. Но и уйти во время операции было нельзя. Короче, находясь в таком растрёпанном состоянии, я вколола новокаин не выпустив предварительно воздух из шприца. Пациент умер. Родственники умершего, решили надолго засадить меня в тюрьму. Следователя, доводы моего адвоката, что моя ошибка стала результатом аффекта от перенесённого горя, не тронули. Словом мне грозил тюремный срок. А накануне суда, на котором должны были огласить приговор, ко мне домой пришли двое и предложили работать в корпорации «Ной-2». При этом они обещали уладить мои дела с правосудием. И вот я уже второй год в этой... тюрьме.

Её глаза налились слезами.

– Если вам удастся вырваться отсюда, знайте, тут творятся страшные вещи. Людей пытаются, убивают, требуя от них беспрекословного подчинения. Лучше бы я получила свой положенный срок и отправилась его отбывать, чем находиться в этой банде убийц.

Она положила свою горячую ладошку на руку Пфаффа.

– Если вам понадобится что-то ещё, скажите, я постараюсь помочь.

Милвз стал подозрительно присматриваться к этой парочке. Наконец, не выдержав, он подошёл к их столику.

– Хватит ворковать, голубки. Хэлен, отнеси что-нибудь пожрать своему заморышу. А ты, – он выпятил губу в сторону Пфаффа, – возьми пайку для вашего быка. Хотя, будь моя воля, я бы кормил его только травкой.

Утробно рассмеявшись, он отошёл в сторону.

Вечером следующего дня к «сидельцам» заглянул сам Моут. Он сразу устремился к кровати Янга.

– Джим, дорогой, как ваши дела? Нас ждут неотложные дела и наша славная пещерка с вашим изумительным реактором.

Глаза Янга блеснули лихорадочным огнём.

– Плохо, мистер Моут. Мне не удалось уйти в мир иной и это плохо. Надеюсь, что там мне повезёт больше. Знаете ли, смрадный запах трупов, клёкот стервятников, скалы помогут мне довершить начатое...

Лицо Моута перекосилось от бешенства. Он понял намёк профессора. Мест для самоубийств там действительно предостаточно. Круто развернувшись, он подлетел к Пфаффу.

– И вы тоже отказываетесь ехать?

Ноздри Гарри зло трепетали. И без того маленькие свинячие глазки сжались до размеров пенса.

– Нет, не отказываюсь. Но один не поеду, – спокойно ответил Генри.

– Да что вы говорите? Вы ещё и условия будете мне ста-

вить? Ваш напарник сдох, сдулся, сдался. Сейчас предел его мечтаний, это головой вниз с обрыва.

– Один не поеду, хоть убейте! – не сдавался Пфафф.

– Да кого я с тобой ещё могу послать? Этого?

Он не глядя, ткнул пальцем в сторону прикованного к кровати, Тронлея.

– А почему бы и нет? – в голосе Генри прозвучали неподдельные нотки возмущения, – я, что один должен отдуваться за всех, ворочая камни. Ведь и мой резонатор и АМС Янга наверняка накрыло камнями во время землетрясения. А я чернорабочим не нанимался.

Янг возмущённо засопел и крикнул.

– Предатель! – и тут же отвернулся к стене.

А Моут, перестав кружиться по комнате, остановился и пристально посмотрел Пфаффу в глаза.

– Вы настоящий американец, Генри. Вы единственный кто внушает мне доверие из всей вашей тройки. И поверьте, с нашей помощью вы далеко пойдёте.

Крутанувшись, как мальчишка, на одной ноге, он снова посмотрел на Пфаффа.

– А вы уверены, что Тронлей согласится на поездку с вами? Ведь в их глазах, – он описал круг рукой, – вы теперь главный злодей, предатель.

– Мне плевать на это, – равнодушно произнёс Генри, – и вообще, спросите его об этом сами.

Гарри хмыкнул, но всё же, проследовал в комнату спелео-

лога.

– Эй, Тронлей, не составите ли вы компанию мистеру Пфаффу в поездке к пещере?

Додж, чертыхнувшись, свесил босые ноги с кровати.

– Да у меня бока уже болят от безделья. Притащили сюда, так дайте работу!

Моут задумчиво прошёлся из угла в угол. Внезапно он бросил быстрый взгляд на Генри. Стреляный воробей, он даже в неожиданном согласии Тронлея сотрудничать с корпорацией, чувствовал какой-то подвох. Наконец, посмотрев на Милвза, Пфаффа он медленно произнёс:

– Работой мы вас обеспечим. Мне сообщили, что рекомендованная вами для испытаний пещера под Споканом, была не ахти как хороша. Опоры резонатора почти полностью ушли в породу, частично сплюсцившись, а этого не должно было произойти. Стенки сводов пещеры оказались не так прочны и резонатор не показал всего, на что он был способен. Это ваша ошибка, Тронлей. Вот и займитесь анализом ошибок на месте. Кстати, могу сказать, что АМС профессора, – он небрежно кивнул в сторону комнаты Янга, – совершенно не пострадал, так что радиационный фон в пещере остался в норме. Хорошо, – он ещё раз скользнул взглядом по спелеологу, – завтра к восьми утра вы оба должны быть готовы к поездке.

С этими словами Моут удалился, дав знак Стиву отстегнуть Тронлея от кровати. Уже глубокой ночью, Додж про-

шёл в туалет и пробыл там дольше обычного. Реймс, один из охранников, дежуривших у пульта, хмыкнул про себя:

– Во как припекло. Да, на ведёрко, да ещё при бабе, по большому, толком не сходишь.

А в это время Додж, петля за петлёй нанизывал на свою талию витки мягкой проволоки, что принесла Хэлен. В половину восьмого утра к ним в номер вошли Милвз и двое дюжих амбалов. Ещё два остались у входной двери. Охранники привычно вывернули карманы узников, похлопали по спинам, ногам. У Генри моментально вспотели ладони, когда Милвз, видимо неудовлетворённый таким поверхностным, на его взгляд обыском, отодвинул одного из своих подчинённых и сам повторил похлопывания и ощупывания узников. Особенно придирчиво он прощупывал Пфаффа. В отличии от своего шефа больше всего из этой тройки он не доверял именно Генри. Да, Тронлей был строптив, но получив взбучку от Стива и его парней он хоть на какое-то время становился шёлковым, а Пфафф... Не зря же он о чём-то шептался с этой медсестричкой. Когда внизу, в гараже они выходили из лифта, ухо Пфаффа ожгло горячим дыханием.

– Не дрейфь, Генри, всё нормально.

Свод пещеры у самого входа почти полностью обрушился. Да ещё, маскируя место размещения резонатора и АМС люди Моута закидали камнями узкий лаз, остававшийся поверху осыпи. Было ясно, что вглубь пещеры удастся пробраться

в лучшем случае к обеду. Помимо трёх охранников у входа толпились ещё несколько людей бомжеватого вида. Их наняли или привезли сюда накануне приезда учёных. Но работали они из рук вон плохо. Истощённые, еле переставляющие ноги они постоянно косились в сторону охранников, за щеки уплетавших свои завтраки, которые не успели съесть до поездки. Тронлей и Пфафф тоже копошились в этой сонной толпе. Иногда на их пути попадались огромные осколки породы, справиться с которыми удавалось лишь навалившись на них всем миром. Впрочем, Милвзу и его парням эта монотонная работа вскоре до чёртиков надоела. Они, не спуская глаз с рабочих и учёных, отступили в тень скалы и принялись лениво потягивать пиво. Додж и Генри всё выше и выше поднимались по осыпи и оттуда скидывали вниз более менее крупные камни. Вокруг стояла дымка от пожарищ и фигуры охранников еле просматривались.

Милвз, убедившись, что Генри и Додж не сачкуют, что-то буркнул своему напарнику и, прикрыв лицо шляпой, растянулся на тёплой каменной плите. Прошлая бессонная ночь сказывалась, и даже его крепкий организм требовал отдыха. Остальные парни тут же вытащили карты и начали играть, лишь иногда лениво посматривая в сторону осыпи, на которой копошились люди. Улучив момент, Додж нырнул через узкое отверстие внутрь провала и уже оттуда прошептал:

– Генри, продолжай делать вид, что спокойно работаешь, а я вроде бы тебе камни изнутри подаю. Мне нужно хотя бы

десять минут свободного времени.

С этими словами он быстро стянул с пояса проволоку, сделал на её конце замысловатый венчик и сунул конец в руки Пфаффа.

– Протащи проволоку выше по склону и замаскируй её щебнем. Только смотри не перебей её случайно.

Пока Генри делая вид, что убирает лишние камни, нависшие над лазом, протягивал и маскировал проволоку, Додж занимался своим делом. Достав ингалятор, с которым он никогда не расставался и который ему милостиво оставили при обыске, он нажал на потайной выступ, и из гнезда прибора выскочила полочка с миниатюрной чёрной пуговицей. Быстро пошаркав конец проволоки о камень, чтобы содрать с него окисную плёнку, он вставил его в миниатюрную клемму и стал «стучать».

Два года назад на международном слёте спелеологов он познакомился с Артёмом Скатовым. Оказалось, родились они в одном и том же году, сделали примерно одинаковую карьеру и оба фанатели от гор и прежде всего от их жемчужин – пещер. Артём неплохо владел английским. Додж к своему стыду ни слова не знал по-русски, но они сразу нашли общий язык. Ещё на том слёте Скатов пригласил Тронлея в экспедицию на Саяны. Как он говорил, сорока на хвосте принесла, что там есть несколько совершенно не изученных и довольно глубоких пещер. А в одной из них поисковики обнаружили хорошо сохранившиеся наскальные рисунки. В

России Додж ни разу не был, поэтому приглашение принял сразу, не раздумывая.

И на следующий год он вместе со Скатовым и ещё пятью парнями добрался до Саян. Тогда им удалось пройти одну из пещер полностью, хотя дважды на их пути стояли сифоны наполненные водой. В лагере они естественно отметили это событие «по-русски». Будучи хорошо навеселе Додж отошёл в заросли окружающие лагерь «побрызгать на ветер». Но горы сыграли с ним злую шутку. Весь день, собиравшийся дождь хлынул со всей мощью и, растерявшись, Тронлей уклонился в сторону возвращаясь к лагерю. Его искали всю ночь, спалили несколько файеров, пять раз стреляли из ракетницы, расстреляли два магазина из карабина.

Вот тогда, Тёма и подарил ему эту, как он думал, безделушку – минирацию с встроенным элементом питания для работы в режиме азбуки Морзе.

– Это моё ноу-хау, амиго. Место почти не занимает. Только раз в год меняй «таблетку» и носи с собой кусок проволоки и всё будет о-кей! Наши умельцы говорят, что с её помощью я тебя услышу из Питера, даже если ты застрянешь где-нибудь в своём Бостоне.

И они действительно несколько раз «созванивались» уже в этом году, намечая будущие совместные маршруты. Правда, было одно но. Дома у Тронлея был приёмник передачи. А будет ли приёмник в момент этой передачи у Скатова? И потом при такой односторонней связи ему не приходилось

ждать подтверждения о приёме сигнала. Но что оставалось делать?

В восемь вечера Скатов сидел дома перед телевизором. Шёл футбольный матч между «Барсой» и «Реалом». Он любил игру обеих команд. Причём наслаждение от игры было двойным. Жена ушла на ночное дежурство и не доставала своими сериалами и просьбами забить гвоздь или вынести мусор. Дети, Оля и Санька чинно сидели в соседней комнате, готовили на завтра уроки. Почти последние уроки в этом мае.

И вдруг через рёв трибун он услышал знакомое попискивание морзянки. «Звонить» ему могли только двое. Стас Черезов, его друг, напарник и собутыльник в одном флаконе и Доджик из Америки. Вздохнув, он с сожалением приглушил звук у телевизора и принялся записывать точки и тире торопливо сыпавшиеся в эфир. Сигналы шли минут восемь, а потом так ослабели, что Артём подсадовал:

– Лень было батарейку заменить?

Морзянка попискивала ещё с полминуты, но похоже ключ на той стороне уже не работал в нормальном режиме – батарейка села напрочь. Артём вытянул шею, чтоб рассмотреть какой счёт в матче. Но оказалось, что команды ушли на перерыв, сыграв первый тайм.

– Так, что нам напикала морзянка? И главное, от кого послание?

Он пробежал глазами первую строчку записи и понял, что на русском языке получалась форменная белиберда.

– Ага, Додж проклянулся. И чего же он там начирикал?

Но по мере того, как он вчитывался в текст, используя уже английский алфавит, улыбка сползала с его лица, как кожа со змеи во время линьки. Он даже почувствовал, как холодные градинки пота покатались по спине. В это время к нему подкатился сын второклассник.

– Пап, а пап, а Олька задачку мне не хочет решать.

Но отец посмотрел на сына такими глазами, что испуганный Санька мигом ретировался.

Утром, он не пошёл на свою кафедру, где уже почти десять лет читал студентам лекции по морфологии ландшафтов и, конечно же, спелеологии, а рванул напрямик к ректору. На входе в кабинет к Лукьянову дорогу ему преградила дородная Клавдия Семёновна, секретарь ректора.

– Куда это вы без разрешения? Нельзя! У Георгия Ивановича через пять минут совещание. Он просил не беспокоить.

– Отойдите, Клавдия Семёновна! У меня срочное дело к ректору.

– Ещё чего. Всем его нужно и всем срочно. Вы что золотой сталактит откопали?

– Сталактиты, Клавдия Семёновна, не откапывают, а откалывают.

– Всё равно не пущу!

– Ах так!!

Скатов сделал почти футбольный финт влево-вправо и когда колыхающиеся мощи секретарши попытались повторить телодвижения нахального посетителя, в её обороне образовалась небольшая брешь, которой Артём и воспользовался.

– Георгий Иванович, я не пускала его, он сам, – плаксиво доложила она шефу.

Лукиянов, ладный седовласый мужчина, когда-то говорят крепко ухаживавший за стройненькой Клавочкой, уже был готов рывкнуть и на нахала и на секретаршу не удержавшую свои позиции, но, посмотрев на Скатова, осёкся. Артём действительно выглядел ужасно. Всклопоченные волосы, щетина на щеках, футболка мокрая в подмышках... Он давно знал Скатова, его аккуратность, обязательность. Кроме того студенты были без ума от него. Он постоянно брал кого-то из них в свои экспедиции. Словом специалистом он был таким, что нужно было ещё поискать такого.

– Что случилось, Артём Александрович?

– Дело чрезвычайной важности, Георгий Иванович. Люди, да и не только люди, весь мир в опасности.

– Георгий Иванович, к вам... – начала, было, секретарша, но ректор её осадил.

– Вы что не видите, что я разговариваю с человеком? Выйдите и попросите коллег подождать в приёмной, я скоро освобожусь.

Всё-таки ни тон разговора, ни вид преподавателя его не насторожили. Мало ли что. Может очередная студентка за-

беременела, не дождавшись окончания сессии.

– Так, Скатов, у меня действительно очень мало времени на пустые разговоры. Давайте, что у вас там.

В глазах Лукьянова уже горели недовольные огоньки. Он не любил когда нарушался раз и навсегда установленный им порядок. Но по мере рассказа Артёма Георгий Иванович всё больше и больше вжимался в мягкое кресло, невольно стараясь хоть на миллиметры отдалиться от страшной волны исходящей от этого человека произносящего невероятные, невозможные вещи. Когда в проём двери снова просунулась голова Клавдии Семёновны, пытавшейся сообщить, что все уже собрались, Лукьянов так рявкнул, что дверь моментально с треском захлопнулась, а по ту сторону послышались приглушённые всхлипы.

Выслушав Скатова до конца, ректор выглянул в приёмную.

– Извините, на сегодня совещание отменяется.

Вернувшись на место, он на несколько секунд задумался, а затем решительно стал набирать номер на мобильнике.

Через день в офисе начальника ГРУ собрались только руководители отделов управления. Генерал-лейтенант Скобеев лишь четыре месяца назад был назначен на эту должность. Он был невысокого роста, худощавого телосложения с непропорционально большой головой, за что сослуживцы и подчинённые за глаза звали его «Голован». Он спокойно до-

жидался тишины и досадливо хмурился. В этой обойме генералов и полковников не было того, кого он желал бы видеть сегодня, прежде всего. Степан Мекшун только что прилетел в Москву из Гаваны и даже успел позвонить секретарю-адъютанту, что должен успеть на совещание. Но эти чёртовы пробки на дорогах, видимо притормозили и его.

– Итак, коллеги, начнем, пожалуй. Он выдержал некоторую паузу.

– Вчера в наше ведомство поступила довольно любопытная информация. Скобеев почти слово в слово пересказал содержание радиogramмы, переданной ему лично директором ФСБ.

– Хотелось бы узнать ваше мнение на этот счёт.

С места попытался встать пожилой генерал-майор, но Олег Петрович махнул рукой.

– Терентий Карпович, давайте уж с места. Полев пригладил ёжик седых волос и забасил.

– Информация действительно интересная, но, как я понимаю, из непроверенного источника. Может это обыкновенная «деза»?

Скобеев усмехнулся.

– Может и землетрясение на северо-западе США в начале месяца, тоже «деза»?

– Ну почему же, – смутился генерал-майор, – по телевидению такое показывали, что сомнений нет – эта природная катастрофа, из ряда вон.

На пороге кабинета в этот момент появился щеголеватый, загорелый и чуть осунувшийся с дороги полковник.

– А-а, прибыли, наконец? Присаживайтесь, Степан Ильич.

Мекшун прошёл к приставному столику, но решил пока не садиться.

– Олег Петрович, разрешите небольшую реплику?

Начальник кивнул головой.

– Я только что вернулся с Кубы и эту, как вы Терентий Карпович выразились, природную катастрофу испытал и на себе. Правда на Кубе сила толчков была около семи баллов. Но, – он обвёл присутствующих взглядом, – вы обратили внимание на то, что все информационные агентства США и Канады словно сговорившись, сообщали, что магнитуда колебаний в эпицентре землетрясения была по разным источникам от восьми до девяти баллов?

Не дожидаясь реакции собравшихся, полковник коротко рубанул воздух рукой.

– Так вот это – враньё! Мы с кубинскими коллегами методом экстраполяции сразу выявили нестыковку официальных данных с действительным положением вещей. Сила толчков в эпицентре, в районе близ северо-западного побережья США должна была достигать не менее четырнадцати-пятнадцати баллов!

– Но это же невозможно! – чуть ли не вскричал из дальнего угла кабинета розовощёкий крепыш в генеральском мун-

дире, – за всю наблюдаемую историю отношений человечества и природы, десятибалльная шкала Рихтера никогда не перекрывалась!

Мекшун упрямо набычился.

– Согласен с вами, Юрий Борисович, потому что эта шкала была разработана для измерения именно природных, а не техногенных катастроф. Лично я склонен отнести «споканское» землетрясение ко второму, а не первому виду.

Скобеев, оставив титульный лист сообщения на столе, остальные листки не поленился собственноручно положить перед полковником Мекшуном.

– Я уже успел ознакомить всех присутствующих с содержанием этого документа, думаю, и вам не помешает его прочитать.

Вернувшись на своё место, Олег Петрович снова спросил.

– Какие ещё будут мнения по этому поводу?

Ещё один высокий и худой, как жердь полковник Шадрин приподнял ладонь желая высказаться.

– А не похожа ли эта американская катавасия на испытание нового, тектонического оружия?

– По аналогии с климатическим? – полувопросительно, полуутвердительно заметил Скобеев и тут же с сомнением покачал головой, – а вам не приходило в голову, Михаил Павлович, что место испытания, мощностъ, а главное – его последствия, хотя бы предположительные, не совсем вписываются в концепцию правительства США и вообще, мен-

талитет англосаксонов? Последние сто лет и даже больше, те же американцы предпочитают испытывать своё новейшее оружие не на своих гражданах, а на территориях арабских и африканских стран. Вдумайтесь, весь северо-запад США и юго-запад Канады отброшены в своём развитии назад как минимум на пятьдесят лет. Там даже горы растрескались, как орехи.

– И ещё очень интересный, на мой взгляд, факт, – вновь подал голос полковник Мекшун, – я на досуге просмотрел все новостные сайты интернета посвящённые этой катастрофе. Так вот там сообщается о странной аномалии. В результате этого, с позволения сказать землетрясения, вся американо-канадская граница сместилась на север от нескольких километров в районе Оттавы, до двадцати километров у Сиэтла. И потом, автор радиোগраммы, некий Тронлей, сообщает прямым текстом, что на стыке Скалистых и Каскадных гор неподалёку от города Спокан в одной из пещер был опробован в работе так называемый резонатор сдвига. Теоретическое обоснование этого устройства было опубликовано в одном из номеров журнала: «NASA: Настоящее и будущее» ещё два года назад. Разработчиком этого устройства является некий профессор Генри Пфафф.

– Могу дополнить полковника, – подал голос, молчавший до сих пор генерал-майор, сидевший рядом с Полевым, – что на январском совещании Международной службы контроля астероидной опасности, всерьёз рассматривался вопрос о

применении этих резонаторов по их прямому назначению – для борьбы с астероидами. Правда, вопрос об их эффективности с повестки дня до сих пор не снят.

Мекшун желчно заметил:

– Зато теперь мы, да и не только мы, знаем, насколько разрушительны эти устройства применительно к земным условиям.

– Констатирую факт, – подытожил результаты совещания Скобеев, – проблема есть, но неизвестных величин в этом деле больше, чем известных. Предлагаю каждому отделу, с соблюдением всех мер секретности, заняться поиском ответов к этому ребусу.

Все потянулись на выход.

– Полковник Мекшун, задержитесь, пожалуйста!

Олег Петрович пересел за приставной столик напротив Мекшуна.

Как там Гавана поживает?

– Цветёт и пахнет, товарищ генерал....

– Да ладно тебе! Мы тут одни.

– Олег Петрович, один из наших агентов, внедрённых в антикубинскую эмигрантскую среду сообщил, что в закрытой зоне номер 111 на западном побережье США заканчивается возведение огромного эллинга. Наша космическая разведка подтверждает эти данные. Эллинг в плане достигает двух километров в длину и почти шестьсот метров в ширину.

– Ого!, – удивился Скобеев, – это даже для строительства

океанских лайнеров или авианосцев великовато, не говоря уже о всяких там танкерах и сухогрузах.

Мекшун наклонил вбок коротко остриженную голову и как-то отстранённо посмотрел вверх погон генерала, словно прикидывая, поместится ли на них ещё одна генеральская звезда.

– Олег Петрович, как вы думаете, что произойдёт на Земле или с Землёй, если резонаторы профессора Пфаффа срабатывают сразу в двадцати двух точках планеты, начиная от Мадагаскара и заканчивая Новой Гвинеей, а мощность каждого из них будет, скажем в два раза больше того, что испытывали под Споканом?

Генерал с тревогой посмотрел на своего подчинённого. Такая бредовая мысль могла прийти в голову либо сумасшедшему, либо до чёртиков уставшему человеку. Олег Петрович даже думать об этом не хотел. Он всегда относился к самоубийцам и самоубийству, как таковому с глубоким презрением. А то, что озвучил сейчас этот наверняка уставший с дороги полковник, было самоубийством, если не для всего человечества, то для большей его части. С другой стороны его предшественник отзывался о Мекшуне, как о человеке не знавшем, что такое усталость. Он выделялся среди начальников подразделений ГРУ хватким, аналитическим умом, быстрой реакцией на любую проблему и при этом избегал скоропалительных выводов.

– Ну, если пофантазировать и прикинуть хрен к рылу, –

медленно проговорил генерал, выигрывая время для обдумывания ответа, – то апокалипсис обеспечен. Постой, Степан Ильич, а почему именно эта цифра – двадцать два?

Мекшун кивнул в сторону листков лежавших на столе шефа.

– Любитель морзянки, Тронлей перечислил названия именно двадцати двух горных пещер, которые «Корпорация Ной-2» выдавила из него, используя психотропные средства. Предполагаю, что все они, или какая-то их часть будут использованы для закладки резонаторов.

– Вот как? А я, честно говоря, не придавал этому факту серьёзного значения. Скобеев подошёл к боковой стене и отодвинул шторку, прикрывающую специфическую карту мира.

– Ну-ка, где, в каких местах они располагаются?

– Пещеры? – выглянул из-за его спины Мекшун.

– Они самые.

– Так я же не спелеолог, Олег Петрович. Мне их названия ни о чём не говорят.

– Вот вроде умные мы с тобой люди, а такой мелочи не знаем.

– Мне на ум приходит самое банальное – необъятное, не объять.

– Вот что, Степан Ильич, ты меня своим вопросом, мягко говоря, заинтриговал.

Он вернулся к столу, порылся в записной книжке, вытащенной из ящика стола.

– Вот тебе телефон Лукьянова, моего бывшего одноклассника. Выясни через него у этого, как его... – он нашёл нужное место в листках донесения, – у Скатова, где конкретно располагаются эти пещерки. Лукьянова зовут Георгием Ивановичем. Как только прояснишь этот вопрос, сразу ко мне.

К вечеру следующего дня Мекшун с помощью Артёма Скатова уже знал, чем отличается Провал Шайтана на Памире от Привала Духов на Минданао.

Когда они со Скобеевым воткнули флажки, означающие пещеры названные Тронлеем в карту мира, все они расположились на восточном полушарии охватывая южное подбрюшье России широкой разветвлённой сетью.

– Не нравится мне это, ох как не нравится, – нахмурился Скобеев, – ведь если вся армада резонаторов сработает одновременно, то...

Мекшун подхватил мысль шефа.

– То не только границы сместятся, как недавно американо-канадская, а шарик земной крутанётся...

– Это что же получается? – генерал медленно повернул голову к Мекшуну, – Россию загонят на северный полюс?! Но это же чушь собачья! Они там что, с ума все посходили?!

Степан задумчиво погладил ежик волос на макушке.

– Может вдохновители или владельцы этой корпорации просто не в курсе, что это глобус круглый, как шар, а Земля-то геоид! Она сплюснута на полюсах и как только ось планеты наклонится даже на несколько градусов под воздей-

ствием этих чёртовых резонаторов, вся её поверхность пойдёт вразнос!

– Ну да, – думая о чём-то своём поддакнул Скобеев, – это как движение волчка перед самым его падением, начнёт мотать туда-сюда.

– Вот именно, поплывём мы как туманы над рекой, искать новые берега, да только везде ад крошечный будет.

Скобеев оторвался от карты и ткнул пальцем в грудь полковника.

– Я кажется, догадываюсь, что будут строить в зоне 111. Как называется эта грёбаная корпорация?

Лицо Мекшуна прояснилось.

– Ну конечно же! Раз Ной, значит, ковчег! Правильно?

– Именно ковчег, Степан Ильич. И может быть не один. Кто-то возомнил себя помазанником божьим, вершителем судеб человеческих и прежде всего нас, россиян. Мы хоть и более привычны к холоду, чем американцы, европейцы и прочие, но превращаться в натуральных белых медведей это уж слишком.

Генерал вернулся к столу, уселся в кресло и несколько секунд сидел барабня пальцами по столешнице.

– Вот что Степан Ильич, вся эта информация должна остаться между нами. «Наверх» её двигать тоже бессмысленно. Есть сведения, что ряд наших высокопоставленных чиновников, особенно имеющих в Лондоне и Америке свои «честно» заработанные капиталы и фактически давно свя-

завших с ними свою судьбу, тоже продали душу Дьяволу и как только почувствуют, что мы скоро прижмём им хвост, кинутся к своим хозяевам. И тогда хозяева «корпорации» начнут действовать ещё изощрённей, сбивая нас и весь мир с верного следа. А нам нужно выиграть время. Многое нужно ещё прояснить. Но на проведение операции по спасению России и мира в целом нужна санкция президента. И я, чего бы мне это не стоило, её получу.

Небольшой островок Нью-Провиденс, как и все Багамы в начале июня божественно хороши. Гольфстрим, омывая эти благословенные острова, сбивал своим дыханием даже полуденную жару. А ранним утром, когда пляжи под Нассау только заполнялись бледными, загорелыми, а то и вовсе чёрными от загара телами, было даже чуть свежо от лёгкого океанского бриза.

Человек, сидевший на полосатом шезлонге, сдвинув широкополую шляпу аля-самбреро на лицо, и широко раскинув накачанные руки и ноги, млел под этим тёплым и ещё не жгучим солнцем, слушая шелест набегающих волн, крики драчливых чаек. Это был Мекшун. Он успел дважды окунуться в океане. Перед поездкой на Багамы он пару дней провёл в солярии и теперь выглядел почти как заправский абориген. Его тело покрылось ровным умеренным загаром, что естественно не привлекало к нему лишних любопытных взглядов.

На соседний шезлонг, в метре от Мекшуна только что

приземлился белокожий, даже без намёка на загар, мужчина средних лет. Его белобрысая чёлка слиплась и свесилась на глаза, а лицо и шея были покрыты бисеринками пота. Дышал он как загнанная лошадь.

– Такое впечатление, Тим, что ты только что закончил марафонскую дистанцию. Ополоснись, а то вид у тебя очень уж не презентабельный.

– Успею, – огрызнулся американец, – ещё не хватало заработать воспаление лёгких!

– Чудак! Вода, как парное молоко. Впрочем, здоровье для настоящего янки прежде всего. Только ты извини, но я чуть чуть отодвинусь, а то ветер с твоей стороны.

Степан сверкнул искромётной улыбкой, но отодвигаться, разумеется, не стал. Тимоти Спенсера он считал своим, если не близким, то надёжным другом. Хотя слово «друг» в отношении к разведчику наших «заклятых партнёров», американцев, было чем-то из ряда вон выходящим.

Восемь лет назад Мекшун, тогда ещё в звании капитана возглавлял группу прикрытия на одном из горных перевалов в районе афгано-таджикской границы. Ждали большой караван из машин с гуманитарной помощью для жителей Кундуза, Чарикала и Кабула. В составе обоза было и три машины с передвижными медицинскими госпиталями Красного Креста. Медицинский персонал госпиталей был смешанным, но, по крайней мере, треть медперсонала составляли русские

специалисты. Часть машин везла грузы для американского посольства. Поэтому группу Мекшуна усилили группой армейской разведки США. Вот её и возглавлял тогда капитан Спенсер. Это сейчас Тим немного «усох», а тогда в этом здоровяке было не меньше ста килограмм веса.

Беспилотник засёк примерно две сотни талибов скрытно карабкающихся к перевалу. Сама седловина перевала была разделена на две неравные части огромным осколком скалы, так что русские и американцы действовали, в общем-то вместе, но и автономно в тоже время. Они успели отбить две атаки моджахедов, когда чёрт дёрнул Тимоти спуститься вслед за отступившими талибами и забрать у убитого воина Аллаха красивый кинжал в ножнах обрамлённых драгоценными камнями. Но его заметили и моджахеды открыли такой ураганный огонь, что голову поднять было невозможно. Когда же Степан вновь высунулся из-за укрытия, то увидел, как с американских позиций вниз скатился молодой капрал, пытаюсь помочь своему командиру, которому, как оказалось потом, пули угодили в обе ноги. Капрал, извиваясь ужом, достиг Спенсера, но груз ему был явно не по силам. Он протащил капитана метров пять, и тут, смертельно ранили и его.

Мекшун прикинул. По ту сторону, где бой держали янки, местность была более открытой, а перед группой Мекшуна было две небольших осыпи из камней. Короче, Степан, умело используя эти укрытия, одного за другим вытащил наверх обоих парней. Капралу, к сожалению, помощь уже не пона-

добилась, а с Тимоти он практически побратался. Пуля талибов достала и Мекшуна. Правда ранение было в руку, но всё равно, кровь на телах Тимоти и спасителя, перемешалась.

Больше они в совместных боевых операциях не пересекались, но поддерживали, правда, предельно осторожно, контакты между собой. И тот, и другой в своих разведывательных ведомствах сделали примерно одну и ту же карьеру. Последний раз они встречались на Таити год назад. Тогда Степан его еле узнал. Он помнил, как тащил этого стокилограммового бугая там, на перевале, а на Таити, на пляже к нему подошёл поджарый красавец у которого не было ни единой лишней жиринки.

– Стёпа, я получил твоё сообщение только вчера вечером, так что пока отпросился у начальства, пока добрался сюда с материка, а потом и на этот уединённый пляж, действительно упрел, как чёрт.

Мекшун ленивым взглядом проводил высокую мулатку, которая, покачивая еле прикрытыми крутыми бедрами, прошла, чуть ли не по его ногам.

– Так иди, ополоснись, дружок и будешь счастлив!

– Ну ладно, я быстро!

Спенсер осторожно ошупывая дно ногами зашёл по колено в воду и предварительно побрызгав на себя водой, с ухнем ввинтился в воду.

– Ну, рассказывай, дружок, – передразнил Степана американец, вернувшийся к шезлонгу, – только учти, мы дого-

варивались – никаких секретов о наших службах не разглашать! Впрочем, я не против, если болтуном окажешься ты, брат.

– Да хрен на них, эти секреты! Скоро ни их, ни самих секретоносителей в природе не останется.

И он рассказал ему о «Корпорации Ной-2», о похищении учёных, об испытании резонаторов, о пещерах, выбранных для их закладки, о строительстве ковчегов, о том, что ждёт мир и их самих. Тимоти заметно побледнел. На его высохшем лбу появилась испарина. Но Мекшун постарался его успокоить.

– По нашим сведениям у нас есть ещё месяц, может быть полтора в запасе, но не больше.

Спенсер обоими ладонями стёр испарину со лба и зябко поёжился.

– То, о чём ты рассказал настолько чудовищно, что в это трудно поверить. Степан потянулся к своей рубашке, висевшей на спинке шезлонга, вытащил из кармашка пачку сигарет, зажигалку. Доставая сигарету, он ловко вытолкнул из пачки ещё одну, чуть более тяжёлую и сунул её в руку американцу.

– Здесь всё, что мы успели накопать к этому времени. Там есть такие документы и сведения, что прочитав их, у тебя волосы станут дыбом. И ещё, Тим. На Борнео и Мадагаскаре нам уже удалось взять под наблюдение две таких пещеры из списка Тронлея. Так вот, там уже вовсю идут подготови-

тельные работы: расширяют проходы внутри пещер, облагораживают подъездные пути. Дело в том, что защитные блоки миниреакторов довольно тяжёлые и их, скорее всего, будут доставлять к пещерам транспортом. Внутри монтируют монорельсы. Появилась охрана, по двое в смену. На дорожке, ведущей к одной из пещер у самого ответвления от просёлка появился шлагбаум и табличка: «Опасность камнепада». К сожалению, в Пакистане, Афганистане, Бутане и ещё в ряде мест, о которых я сообщаю тебе на носителе, нам к пещерам практически не подобраться, там сфера вашего влияния и англичан.

– Послушай, Стёпа, почему бы вашим директору ФСБ, министру обороны напрямую не связаться с директором ЦРУ, нашим министром, – Тим растерянно развёл руками, – кто мы такие? Мы слишком мелкие сошки, чтобы повлиять на эти события, если они имеют место быть.

Мекшун раздражённо хмыкнул.

– Ну что с вами, америкосами, делать? Как дети малые, ей богу. Где-то вы хитрее-хитрого, а где-то дундуки-дундуками.

Спенсер наострил уши.

– Что такое дундуки-дундуки?

– А-а, не бери в голову. Все ответы на мыслимые и немыслимые вопросы я заложил во флешке. Но вынужден прямо сейчас тебя огорчить. Твой директор ЦРУ, директора ФБР, ФРС, половина, если не больше конгрессменов и сенаторов

и, скорее всего, президент и вице-президент – масоны, члены тайного Мирового правительства. Но все вышеперечисленные особы, включая вашего президента – это шестёрки, будущие матросы на ковчегах, строящихся для спасения всей этой шушеры. А вот на капитанских мостиках ковчегов будут стоять настоящие правители вашего мира – Ротшильды, Рокфеллеры, Морганы и прочие богатейшие англосаксы. И я своим скудным умишком так понимаю, что ни тебя, ни других рядовых американцев, а уж тем более всяких там немцев, поляков и японцев, не говоря уж о нас, русских, на эти ковчеги не возьмут. Там и так без нас будет тесно.

Спенсер долго-долго молчал и Степан уже подумал, не попала ли вода в уши друга. Но нет, он всё услышал. Бледность снова залила его лицо, а шея наоборот покрылась красными пятнами.

– Даже зная тебя, мне трудно поверить в то, что ты мне рассказал. Пойми, я никогда не лез в политику. Да, мне не всегда нравились приказы моего шефа, законы принимаемые сенаторами, решения нашего правительства и президента, но я всегда считал, что у каждого человека, какой-бы он пост не занимал, есть право на ошибку. Вы ведь в России тоже дров успели наломать, так что... В общем, мне надо подумать над всем этим. Я, пожалуй, пойду.

– Спенсер, мои слова это так, лёгкая рябь на море. Когда ты просмотришь материал с флешки, тебя будет шатать, как в утлой лодке во время шторма.

Через неделю они встретились в небольшом ресторанчике недалеко от римского Колизея. Когда Тим подходил к его столику, то Мекшун с неудовольствием отметил – в Спенсере что-то явно надломилось. На голове появилась бросающаяся в глаза седая прядь, а сама фигура друга заметно погрузнела. Тим заказал себе штоф виски и Степан с тревогой уставился на него. А тот, молча, выплеснул в себя подряд две рюмки напитка и занюхал их долькой лимона.

– Тим, не нужно столько пить. Для разговора нужна трезвая голова.

– А-а, – махнул тот рукой, но штоф всё же, от себя отодвинул. Какое-то время Спенсер вяло боролся с вилкой против овощного рагу.

– Ты был прав и насчёт ковчегов и насчёт подготовки пещер.

– Конкретнее, Тимоти!

– Ковчегии строят в трёх местах: в зоне 111, на базе морпехов под Бостоном и на острове Мэн в Англии. Собирают их уже из готовых узлов, так что через месяц все три будут на воде, может и раньше. По моим сведениям работы резко ускорились. Наружные корпуса ковчегов трёхслойные. Обводы ледокольного типа. Ориентировочная вместительность каждого около пятнадцати тысяч человек. Эллинги уже сейчас имеют эшелонированную систему охраны, и пробраться туда практически невозможно. Теперь о пещерах. Моим лю-

дям удалось проверить восемнадцать из них. Везде подготовительные работы идут полным ходом.

– Подожди, Тим, а ещё две?

– Та, что располагалась на севере Пакистана, отпала. Вся территория прилегающая к ней контролируется талибами, а с ними договориться не удалось. Но вместо неё нашлась замена. Новая пещера нашлась на южных склонах монгольской части Саян. От пещеры в Бутане тоже пришлось отказаться. Вода в ней появляется циклично, что не годится для нормальной работы АМС. Вместо неё нашли грузинский эквивалент недалеко от стыка границы с Азербайджаном. Работы там уже пошли полным ходом.

Они некоторое время помолчали.

– Ты как, Тим, сам- то в порядке? Выглядишь не ахти, должен тебе сказать.

– В порядке?! – в голосе Спенсера появились визгливые нотки, – о каком порядке можно говорить, если всё вокруг рушится, расползается по швам и летит в бездну! Ведь я с молоком матери впитал в себя веру в свою страну, в её идеалы, в непогрешимость нашей демократии, в свободу, равенство каждого перед законом. Конечно, я понимал, что наши «денежные мешки», впрочем, как и ваши, небожители, стоящие над всем этим, – он вознёс руку вверх, – живут по своим законам, во многом непонятным для таких мизгирей, ничтожеств, как мы. Но я даже представить себе не мог, что они способны пойти на такое предательство!

Мекшун грустно улыбнулся наивности друга. Зашоренность американцев, их непомерное самолюбование, упоение своей силой – для стороннего наблюдателя и, особенно для профессионального разведчика, каким считал себя Степан, не было тайной.

– Тим, а вот если бы ты вдруг сегодня стал богатейшим человеком, заделался бы рядовым масончиком, неужели не использовал бы шанс спастись?

Спенсер поднял тяжёлые веки, потянулся было за бутылочкой, но вдруг резко отдёрнул руку.

– Ты за кого меня принимаешь? То, что я принадлежу к англосаксам ещё ни о чём не говорит. Я имею доступ ко многим довольно интересным документам и знаю, что в нас, англосаксах веками воспитывалось презрение к другим нациям и народам. Но время сейчас бежит так быстро, что эта установка не всегда срабатывает, более того – отторгается всё большим числом самих англосаксов. Скажу тебе больше, из них и только из них я уже сколотил почти тридцать боевых групп, которые будут штурмовать пещеры, взрывать к чёртовой матери ковчеги, даже если на них уже погрузятся толстопузые задницы предавшие простых американцев и весь мир!

Он всё-таки плеснул себе виски, правда, на самое доньшико.

– Стёпа, скажи, как тебе удалось записать речь, как его... Моргана-младшего?

– Это записал другой человек, не я, – спокойно ответил Мекшун.

Спенсер выпил и, скривившись, замотал головой.

– Надо же, как красиво сказал, подлец. «Мир погряз в разврате и пошлости». «Он перенаселён некачественным человекоподобным материалом». «После того, как всё уляжется, предлагаю решить вопрос о переименовании Земли в Бритту». Ненавижу! Мрази! Подонки!

Он снова потянулся за штофом. Степан махнул рукой.

– А налей и мне, только чуть-чуть.

Теперь скривился уже Спенсер.

– Надо же, чуть-чуть ему. А говорят, что русские конченные алкаши.

– Сам ты алкаш, – беззлобно огрызнулся Мекшун, – я же на работе. Ты кстати тоже, так что притормози с этим.

Тим, держа рюмку в руке, навалился грудью на стол.

– Стёпа, пора уже конкретно браться за это дело.

Мекшун, делая вид, что не понял глубинного смысла вопроса, кивнул на штоф.

– Да мы с тобой уже конкретно с ним расправились. Затем, мягко улыбнувшись, добавил.

– Тим, мы ведь уже многое что сделали. Провели рекогносцировку мест закладки резонаторов. Определили места строительства долбанных ковчегов...

Дыхнув перегаром, Спенсер снова навалился на стол.

– Стёпа, может мне всё-таки выйти на какого-нибудь се-

натора, редактора крупного издательства. Ведь до ковчегов практически невозможно будет добраться. Там такая охрана, что...

– А ты уверен, что тот же сенатор, редактор ещё не будущий пассажир одного из ковчегов? Дело принимает сейчас такой оборот, что любая ошибка с нашей стороны будет стоить слишком дорого. На кону – существование всей человеческой цивилизации. Нет, пожаловаться своему шефу, генеральному прокурору, сенаторам, конгрессменам, а может, если повезёт, и самому президенту, ты может и успеешь. А вот после этого, твоя жизнь и ломаного гроша не будет стоить. В лучшем случае тебя упрячут в какую-нибудь подпольную психушку, а в худшем – закатают в асфальт, как в своё время наши братки-бизнесмены и будущие олигархи избавлялись от всех, кто стоял на их пути. Ты же не дурак, Тим и прекрасно знаешь, что в вашем самом демократическом государстве давно образовалась некая прослойка, на которую законы вашей демократии, не распространяются.

– Я это уже понял, можешь не продолжать, – зло процедил Спенсер.

– Мне нравится идея подключить к этому делу прессу, телевидение, интернет-сообщество. Но не нравится другое – и у нас в России, а уж тем более у вас, на Западе – все первые лица в масс-медиа куплены с потрохами теми же морганами, ротшильдами, ходорковскими и подобной швалью. Вспомни, как начинались «оранжевые», «бархатные», «ро-

зовые» и прочие революции по всему миру и войны в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии. Словно по мановению волшебной палочки на выбранную жертву обрушивался такой шквал чёрного негатива и дезинформации, что даже богом забытые туземцы из Амазонии начинали верить – да, виновны. Да, они враги демократии. Да, они представляют угрозу для всего человечества, и прежде всего для туземцев Амазонии! Вся эта чудовищная информационная машина находится в руках мерзавцев. Это они дёргают за верёвочки и заставляют дёргаться всех этих марионеток, которых ты называешь редакторами, сенаторами, конгрессменами. Впрочем, последние, по крайней мере, немалая их часть, и сами не прочь подержаться за эти верёвочки, если конечно им позволят это сделать сильные мира сего.

И Мекшун отставил рюмку в сторону, давая понять, что пить больше не будет.

– Конечно, в масс-медиа есть настоящие профессионалы, которые сразу смекнут, что мы подсовываем им не тупту, а настоящую информационную бомбу, способную взорвать весь мир, но скорее всего эта бомба сработает, когда мы сделаем своё дело. А до этого смельчаков просто сотрут в муку. Да, да их раздавят катком конрпропаганды, объявят сумасшедшими, или тихо ухлопают в подворотне. Так что Тим, готовься к бою и мир тебя не забудет.

В конце июля, когда на ковчегах заканчивалась оконча-

тельная окраска помещений, к эллингу в зоне 111 по тесному подземному коллектору согнувшись в три погибели двигалась группа из двенадцати человек. С собой люди тащили два продолговатых предмета завернутых в парусиновые мешки. Когда отряд добрался до очередного колодца, черно-волосый крепыш, ползущий впереди, выставил назад ладонь, приказывая остановиться, а сам по скобам осторожно полез вверх. Чуть приподняв тяжёлую крышку люка он прислушался. Где-то далеко в районе выводных ворот эллинга слышался неясный гул человеческих голосов, работающих турбинок, лёгкий треск сварочных автоматов. Оставались считанные дни до вывода ковчегов из дока эллинга. Недалеко от колодца, вдоль правой линии судопоезда раздались размеренные неторопливые шаги.

– Чёрт, – ругнулся про себя Сэм, – понатыкали охраны, не пройти, не проехать!

Сэм Кроунби возглавлял одну из групп ДСА, Движения Сопротивления Америки. Долгое время его группа не могла попасть не то, что в эллинг. Даже двухкилометровая зона отчуждения, за которой и начиналась собственно зона 111, была недоступна. И всё же мир не без добрых людей. Они нашли старика, который работал здесь ещё до того, как образовалась секретная зона. Оказывается, до этого на месте эллинга была верфь, где строились катера для береговой охраны. Сливной коллектор, по которому ползла группа Кроунби вышел из строя ещё до строительства эллинга и колодец все-

гда был залит водой, так как стока не было. Но брат одного из «диверсантов» работал газосварщиком на строительстве одного из двух ковчегов и ему удалось «сдуть» сварочный шов с крышки люка, а зачисткой самого коллектора занялись ребята Сэма.

Ещё одна такая же по численности группа действовала под Бостоном, в закрытой гавани базы морпехов. Обе группы должны были привести в действие свои адские машины в пять часов утра по вашингтонскому времени. Здесь, в Беркли, где располагалась зона 111, сейчас было без пятнадцати два ночи. Не сразу Сэмюэль Кроунби согласился на сотрудничество с Тимоти Спенсером. Он его знал ещё по армейской школе разведки, где Тим «натаскивал» такую «зелень», как Сэма и его брата-близнеца, Смита. Спенсер вращался в кругах недоступных для бригадного разведчика, а Сэм, мягко говоря, недолюбливал таких. Но когда тот рассказал Сэму о зловещих планах богатейших представителей «золотого миллиарда», показал кадры о подготовке к запуску резонаторов, о строительстве ковчегов, он активно включился в работу ДСА.

Хуже всего придется его брату, Смигу. Когда прозвучат взрывы здесь в Беркли и под Бостоном, на острове Мэн, в Англии день уже будет в самом разгаре. Но на одновременности проведения взрывов настоял Спенсер. И он был прав. Если между взрывами будет временной разрыв, «жирные коты» сделают всё для того, чтобы спасти хоть один ковчег. Но

может Смигу, поможет то обстоятельство, что английский ковчег только что спустили на воду. От планов использования вакуумной «Кантри» для уничтожения этого ковчега пришлось отказаться. Но есть запасные варианты и какой-то из них будет задействован.

Когда шум шагов охранников стих в глубине эллинга, диверсанты один за другим выбрались наружу и аккуратно, без стука уложили крышку люка на место. Группа разделилась. Шестеро шмыгнули под киль огромного гробообразного судна, что стояло ближе к выводным воротам. Вторая шестёрка скрылась между тележками судового поезда под вторым ковчегом.

И той и другой группе пришлось дважды вжиматься в рифлёную поверхность понура дока, когда мимо них, вдоль стен эллинга вновь неспешно проходили дозоры охраны. Бойцы из группы Сэма были хорошо вооружены, но он понимал, что боестолкновение может сорвать выполнение их главной задачи – уничтожение СОБов, «Спасательных Обителей Богов», как метко обозвали ковчеги сами бойцы.

«Кантри» была опробована войсками США во многих странах мира. Эта мина контактного действия прожигала, проплавляла, буквально ввинчивалась в конструкцию любого защитного сооружения, будь то броня танка или бетонный бункер, а уже потом, оказавшись внутри, делала своё чёрное дело. Сам Кроунби не видел своими глазами последствий взрыва этой вакуумной мины, но Спенсер предупре-

дил, что его группе нужно сразу улепётывать оттуда, так как даже одновременный засос сразу сотни любвеобильных бра- зильянок, ничто, по сравнению с «засосом» этой штуки.

Без пяти минут от назначенного времени, тени диверсан- тов одна за другой скрылись в колодце. Бойцы продвинулись по коллектору уже за границы эллинга, когда мощный поток воздуха едва не потащил их обратно к колодцу.

Оба ковчег почти одновременно схлопнулись, что при- вело к моментальному разрушению не только самих судов, но и к обвалу кровли и стен эллинга. С этими «Спасатель- ными Обителями Богов» было покончено...

К северо-восточному побережью Мадагаскара, к точке бе- рега расположенной примерно на одинаковом расстоянии от городков Самбава и Анталаха под покровом ночи приблизи- лась большая резиновая десантная лодка. Лодочный мотор, подвешенный на выносном транце еле урчал, когда она ткну- лась в песчаный берег. Из неё быстро выскочили восемь че- ловек. Лодка моментально сдала назад, развернулась и скры- лась в ночи. Люди, одетые в тёмную камуфляжную фор- му скрылись в прибрежных зарослях. Замыкающий группы, сломал несколько длинных пальмовых веток и, пятясь назад аккуратно замёл оставшиеся на песке следы.

– Костя, ты скоро там? – прошипел голос из зарослей.

Группу спецназа ГРУ возглавлял молодой старлей Иван Есин. Их целью была пещера Мару-Мару, что располагалась

от места высадки в одном ночном переходе. Мимо неё от городка Самбава проходила нормальная грунтовая дорога, но поскольку их группа находилась на территории этого островного государства незаконно, приходилось выбирать тайные тропы.

Примерно через полчаса пути по редкому перелеску, они вошли в довольно широкую долину с чеками рисовых полей. Рис и маниок малагасийцы выращивали тут круглый год. Поэтому какие-то чеки были полностью залиты водой и на них колыхалась на лёгком ветру тучная зелёная стерня. Некоторые чеки были осушены и видимо готовились к посеву или заполнению водой. Есин был с Кубани и даже два года перед армией помогал отцу. Тот отвечал за работу ирригационных сооружений в хозяйстве посёлка с говорящим названием – Рисовый. По большей части они с отцом мотались на мотоцикле от чека к чеку, проверяя работу водяных затворов, чистоту сбросных и наполнительных каналов. Поэтому Иван чётко ориентировался в хитросплетениях чеков и каналов. Рис он и в Африке рис.

Они достигли предгорий Царатанана когда небо на востоке чуть посветлело. Царатанана был небольшим горным хребтом на севере острова. А ещё через полчаса быстрой ходьбы впереди замаячил их главный ориентир – гора Марумунутра. Её верхушка уже освещалась лучами ещё не взошедшего светила. До пещеры Мару-Мару оставалось не более одного километра пути.

– Проверить оружие, амуницию!

Заросли подступали к пещере почти вплотную. Но площадка перед входом в неё была совершенно голая. Метрах в пятидесяти от входа стоял армейский кунг. Из трубы выведенной наружу вился ленивый дымок. На входе в пещеру как билетёры в театральный зал маячили тени двух охранников. Есин приложил бинокль к глазам и тут же его, опустив, выругался.

– Вот блин, для ночного бинокля уже поздно, а для обычного ещё рано. И не подберёшься ближе, как на ладони будем.

– Вань, а ты что, хотел рассмотреть, не расстёгнуты ли ширинки у этих бойцов удачи из «ЧАшек»?

Женя Галузин имел в виду бойцов частной армии. Их сейчас расплодилось по всему миру – видимо-невидимо. Каждый прыщ, имея в кармане хотя бы миллион баксов или евро сразу старался обзавестись хотя бы десятком таких крутых парней. Их с хозяином связывал только контракт, да и то на определённое время.

Иван отмахнулся от Галузина и поманил к себе Карпина.

– Юра, приступаем к выполнению плана «Б».

Карпин сверкнул зубами в улыбке, чуть подался назад в небольшую ложбинку и вскоре его было не узнать. На его долговязой фигуре появилась мешковатая рваная ветровка. Правая штанина в двух местах была порвана и через прорехи просвечивала голая нога. На голове топорщилась дурацкая

старомодная фетровая шляпа. На носу торчали очки с круглыми линзами в металлической оправе. Дужки очков были связаны тесёмкой перекинутой на затылок. В руке Карпин сжимал небольшой треугольный сачок, к которому уже прилаживал обломок ветки подобранный с земли. Ни дать, ни взять – ботаник, и не просто ботаник, а совершенно потерявшийся в этих дебрях ботаник.

– Парни, готовность номер один! Карпин – давай!

Все спецназовцы знали свои роли и задачи, так что распинаться на эту тему лишний раз Есин не стал. Время теперь работало против них. Стало заметно светлее и парни видели, как те двое, что стояли у входа в пещеру, сначала замерли, словно спаниели, почувствовавшие затаившуюся дичь, а потом, на ходу передёргивая затворы короткоствольных автоматов, бросились наперерез появившемуся из зарослей и шагающемуся как пьяный, Карпину. Ну да, устал ботаник шастать по лесу, вот его и шкандыбают из стороны в сторону. Есин даже поморщился, когда увидел, как вошедший в роль Юрка пару раз упал на землю изображая полное изнеможение. Переиграть роль, что не доиграть, одинаково хреново.

Поняв, что перед ними всего лишь измазанный грязью, одетый в изорванную одежду ботаник, мужественно державший в руках своё главное оружие – сачок для бабочек, охранники ухмыльнулись, закинули за спину свои пукалки, а один из них на чётком английском что-то проорал в сторону кунга. Из него вниз по трапу спустились ещё двое. Эти растяпы

не прихватили с собой даже оружие.

Что там лепетал Юрка про свои мнимые похождения, отсюда не было слышно, да это было и неважно. План «Б», отвлекающий маневр, репетировался долго и тщательно, так что срыва с этой стороны можно было не ожидать. Английский у Карпина тоже был безукоризненный, правда, с небольшим «валлийским» акцентом. Пока Юрка жадно пил воду из предложенной ему пластиковой бутылки и живописал о своих страхах при блужданиях по ночным просторам Мадагаскара, спецназовцы, нахлобучив на головы капюшоны украшенные пучками травы, с двух сторон поползли к кунгу.

Карпин, «оживший» после принятия живительной влаги в это же время рассказывал смачный анекдот «про блондинок и брюнеток» и охранники буквально сгибались от смеха. Соскучились парни по нормальному, человеческому, общению. Лучшего момента для атаки было не придумать. Русские бросились в атаку. Один из охранников всё-таки успел среагировать. Он повёл дулом автомата в сторону нападавших, но «ботаник» двумя точными ударами ног выбил оружие у обоих вооружённых вояк.

Связанных охранников усадили в тени кунга, а вездесущий Костя Барминов успел заглянуть и в кузов. Там ничего больше не было. Есин остановился напротив человека с густой проседью в волосах. Английским Иван владел не так совершенно, как Карпин, но седовласый его похоже понял.

– В пещере есть ещё люди?

Видимо шок от внезапной атаки и моментального пленения был настолько сильным, что вначале седовласый просто очумело, пялился на этих неизвестно откуда нарисовавшихся крепких парней. Есин повторил вопрос, но уже с угрожающими нотками в голосе. Тот отрицательно замотал головой.

– Вчера утром вывезли последних инженеров-наладчиков.

– Сегодня к вам кто-то приедет?

– Да, к обеду. Обещали привезти смену для нас. Мы тут уже неделю ошиваемся.

– Значит монтаж резонаторов и АМС полностью закончен, так?

– Мне без разницы, что они там монтировали, унитазы или резонаторы. Нам запретили соваться внутрь. Старший инженер Эрон сказал перед отъездом, что всё о-кей и чтобы мы по-прежнему не пускали туда никого. Сказал, что там внутри очень ценное и дорогое оборудование для постоянного мониторинга сейсмической опасности этого долбаного острова.

Есин развернулся лицом к входу в пещеру.

– Краснов, Щёкин, Алтаев, Барминов – к объекту! И смотрите, АМС не должна пострадать. И ещё. Краснов, не забудь про съёмку объектов.

Объектом, Иван называл сам резонатор. Его планирова-

лось разнести в пух и прах, при этом постараться не зацепить взрывом атомную министанцию.

– Шишкин, Галузин – к просёлку!

Эти двое должны были завалить несколько деревьев, чтобы перекрыть хоть на какое-то время проезд к пещере. Есин подобрал с земли один из автоматов и, повертев его в руках заметил, как напряглись лица охранников. Он усмехнулся.

– Расслабьтесь, парни. Убивать вас не входит в наши планы. Вы всего лишь снятые с шахматной доски пешки.

Охранник, с рыжей шевелюрой, сидевший рядом с седовласым, зло сплюнул на землю.

– Да кто вы такие, чёрт бы вас подрал!

Юрка Карпин широко улыбнулся.

– Мы – голуби мира, чуть-чуть окропивших своим божественным гумусом лысые черепа высокородных всемирных злодеев.

Есин хмуро добавил.

– Читайте газеты, смотрите телек, включите свои «айпады». Завтра, в крайнем случае, через пару дней вы всё узнаете. А ещё через неделю-другую вы и себя и свою страну не узнаете. Страсти закипят ого-го какие...

Есин был прав. После того, как взорвалась информационная бомба о планах масонского «Мирового правительства» очистить планету от «некачественного человеческого материала» взорвалась не только Америка, взорвался весь мир. Но это уже другая история...

Кстати, семейства Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов и ещё десятка два богатейших семейств мира таинственно исчезли, испарились, словно их и не было на Земле. Может телепортировались на более гостеприимную планету нашей Галактики? А что, ходили упорные слухи, что эти упыри снюхались с какой-то высокоразвитой цивилизацией падкой на золото, платину и серебро. Всё может быть в нашем суетном мире. Но теперь пусть у этих высоколобых и наивных гуманоидов болит голова, как бы им самим не попасть в разряд «некачественного гуманоидного материала».

В. Бугунов

г. Славянск-на-Кубани.

08. 12. 2012 – 11. 01. 2013 гг.